
**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

№ 2 2022

ISSN 2618-7159

INTERNATIONAL JOURNAL OF EXPERIMENTAL EDUCATION

Импакт-фактор РИНЦ (двухлетний) = 0,839

Журнал издается с 2007 г.

Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) = 0,142

Электронная версия: <http://www.expeducation.ru/>

Правила для авторов: <http://www.expeducation.ru/ru/rules/index>

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России» – П 6249

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Стукова Наталья Юрьевна, к.м.н.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ

Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ларионова Ирина Анатольевна (д.п.н., профессор, Екатеринбург)

Кудрявцев Михаил Дмитриевич (д.п.н., доцент, Красноярск)

Дегтерев Виталий Анатольевич (д.п.н., доцент, Екатеринбург)

Жолдасбеков Абдиманат Абдразакович (д.п.н., профессор, Шымкент)

Раимкулова Ажарбубу Супуровна (д.п.н., профессор, Бишкек)

Шихов Юрий Александрович (д.п.н., профессор, Ижевск)

Суханов Петр Владимирович (д.п.н., доцент, Москва)

Бобыкина Ирина Александровна (д.п.н., доцент, Челябинск)

Стукаленко Нина Михайловна (д.п.н., профессор, Кокшетау)

Щирин Дмитрий Валентинович (д.п.н., профессор, Санкт-Петербург)

Петров Павел Карпович (д.п.н., профессор, Ижевск)

Журнал International Journal of Experimental Education (Международный журнал экспериментального образования) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство – ПИ № ФС 77-60736.

Все публикации рецензируются.

Доступ к электронной версии журнала бесплатный.

Импакт-фактор РИНЦ (двухлетний) = 0,839.

Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) = 0,142.

Журнал зарегистрирован в Centre International de l'ISSN. ISSN 2618-7159.

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНИТИ.

Учредитель, издательство и редакция:

ООО НИЦ «Академия Естествознания»

Почтовый адрес: 105037, г. Москва, а/я 47

Адрес редакции и издателя: 410056, Саратовская область,

г. Саратов, ул. им. Чапаева В.И., д. 56

Ответственный секретарь редакции

Бизенкова Мария Николаевна

+7 (499) 705-72-30

E-mail: edition@rae.ru

Подписано в печать – 29.04.2022

Дата выхода номера – 31.05.2022

Формат 60x90 1/8

Типография

ООО «Научно-издательский центр Академия Естествознания»,

Саратовская область, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5

Технический редактор

Доронкина Е.Н.

Корректор

Галенкина Е.С., Дудкина Н.А.

Распространение по свободной цене

Усл. печ. л. 4.2

Тираж 1000 экз.

Заказ МЖЭО 2022/2

© ООО НИЦ «Академия Естествознания»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАТЬЯ

ВКЛАД УЧЁНЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КЫРГЫЗОВ

Мамытова А.Б......5

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАТЬЯ

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР КАК ФОРМА ПОВЫШЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ
ГРАМОТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Кузнецова А.Я., Омельченко Е.А., Зверкова А.Ю., Абрамова В.В., Шмидт Т.А.10

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАТЬИ

АРАБСКИЕ ЛЕКСЕМЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА
«БИЛИМ» (ЗНАНИЕ) В КЫРГЫЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Абдурахманова Х.Т., Атакулова М.А., Шерматова Ф.С.15

ПРАВОПИСАНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА
СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Солтанбекова А.А., Утебаева Э.А., Рамазанов Т.Б......21

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА РАССКАЗОВ К. ПАУСТОВСКОГО

Фен Цзин28

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

ARTICLE

THE CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA
IN THE STUDY OF THE TRADITIONAL DWELLING OF THE KYRGYZ

Mamytova A.B. 5

PEDAGOGICAL SCIENCES

ARTICLE

SCIENTIFIC SEMINAR AS A FORM OF INCREASING
THE METHODOLOGICAL LITERACY OF A UNIVERSITY TEACHER

Kuznetsova A.Ya., Omelchenko E.A., Zverkova A.Yu., Abramova V.V., Shmidt T.A. 10

PHILOLOGICAL SCIENCES

ARTICLES

ARABIC LOAN WORDS IN REPRESENTING THE COGNITIVE CONCEPT
OF 'BILIM' (EDUCATION) IN THE KYRGYZ LINGUISTIC MENTALITY

Abdurakhmanova Kh.T., Atakulova M.A., Shermatova F.S. 15

SPELLING AND GRAMMATICAL ADVANTAGES
OF SERVICE WORDS IN THE KAZAKH LANGUAGE

Soltanbekova A.A., Utebaeva E.A., Ramazanov T.B. 21

THE MAGICAL POWER OF THE STORIES OF K. PAUSTOVSKY

Feng Jing 28

СТАТЬЯ

УДК 93:397.4

**ВКЛАД УЧЁНЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КЫРГЫЗОВ****Мамытова А.Б.***Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Бишкек,
e-mail: mamytova-altynai@yandex.com*

Статья посвящена актуальной историографической проблеме. В ней рассматривается история этнографического изучения кыргызского народа в дореволюционный период, начиная с появления первых этнографических известий о кыргызах, вкладу российских ученых, путешественников и исследователей в изучение дореволюционной этнографии народа. Кыргызская этнография не может развиваться без глубокого изучения работ по этнографии путешественников, их путевые записки, публикации их трудов помогают лучше изучить достигнутые результаты и развивать науку. В материалах русских ученых конца XVIII – начала XIX в., представляющих большую источниковедческую ценность, освещаются хозяйство, социальные отношения, культура и быт кыргызов в прошлом. Именно их многогранные наблюдения фактически положили начало разносторонним, в том числе и историко-этнографическим исследованиям в Кыргызстане. В трудах русских ученых освещается и традиционное жилище как часть материальной культуры, которая аккумулирует в себе все стороны человеческой жизнедеятельности. Описывая традиционное жилище Туркестанского края, ученые отмечали своеобразие архитектурных традиций региона. Это объясняется большой площадью центральноазиатских земель и их богатым культурным наследием. Формирование народного жилища зависит от ряда факторов, диктующих характерные особенности развития. Жилище тесно связано с образом жизни обитателей и характером господствовавшего хозяйственного уклада – кочевого скотоводства, которое внесло свои коррективы и наложило глубокий отпечаток на культуру народов.

Ключевые слова: этнография кыргызов, дореволюционный, путешественники, изучение, культура и быт, жилище

**THE CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA
IN THE STUDY OF THE TRADITIONAL DWELLING OF THE KYRGYZ****Mamytova A.B.***Kyrgyz National University named by J. Balasagyn, Bishkek, e-mail: mamytova-altynai@yandex.com*

The article is devoted to an actual historiographic problem. It examines the history of the ethnographic study of the Kyrgyz people in the pre-revolutionary period, starting with the appearance of the first ethnographic news about the Kyrgyz, the contribution of Russian scientists, travelers and researchers to the study of the pre-revolutionary ethnography of the people. Kyrgyz ethnography cannot develop without a deep study of the works on the ethnography of travelers, their travel notes, publications of their works help to better study the results achieved and develop science forward. The materials of Russian scientists of the late 18th – early 19th centuries, which are of great source study value, cover the economy, social relations, culture and life of the Kyrgyz in the past. It was their multifaceted observations that actually laid the foundation for versatile, including historical and ethnographic research on Kyrgyzstan. The works of Russian scientists also highlight the traditional dwelling as part of material culture, which accumulates in itself all aspects of human life. Describing the traditional dwellings of the Turkestan region, they noted the originality of the architectural traditions of the region. This is due to the large area of Central Asian lands and their rich cultural heritage. The formation of a people's dwelling depends on a number of factors that dictate the characteristic features of development. The dwelling is closely connected with the lifestyle of the inhabitants and the nature of the dominant economic structure – nomadic cattle breeding, which made its own adjustments and left a deep imprint on the culture of the peoples.

Keywords: ethnography of the Kyrgyz, pre-revolutionary, travelers, study, culture and life, housing

Традиционное жилище – сложный культурный и бытовой комплекс, формирование которого зависит от следующих факторов: уровня экономического и культурного развития, географических условий, этнических традиций и общественных обычаев.

Наследие народов богато и многообразно, а значение традиционного народного жилища для современности требует безотлагательного рассмотрения и обобщения накопленного материала.

Отсюда становится ясно: изучение жилища – одного из самых существенных элементов народного быта – было и остается

важной задачей этнографии. В жилище ярко проявляется историческая судьба народа.

Главной целью исследования является историографический анализ трудов русских исследователей, конца XVIII – начала XX вв., посвященных этнографическому изучению кыргызского традиционного жилища, накопление фактического материала привело к попыткам изучить этнографические данные и осмыслить их.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования основывалась на комплексном подходе в ре-

шении задач. Методика основана на междисциплинарном подходе с применением традиционного исторического, историографического метода. В работе используются общеисторические методы: проблемно-хронологический, в которой проблематика рассматривается во временной последовательности; историко-генетический, выявляющий причины преемственности в этнографическом изучении кыргызов русскими дореволюционными учёными, историко-сравнительный анализ, положенный в основу оценки научного вклада ученых и принципа историзма.

Результаты исследования и их обсуждение

Основа изучения этнографии кыргызов была заложена в конце XVIII – начала XX в. когда крупнейшие русские ученые – исследователи, путешественники, чиновники, военные и востоковеды – начали изучать историю народов Центральной Азии

Этнографические материалы, собранные русскими учёными-путешественниками и исследователями дореволюционного периода о материальной и духовной культуре кыргызов, интересны и до настоящего времени сохраняют общественное звучание.

Незначительные описания жилищ и хозяйственного уклада населения края содержатся в работах И. Унковского, Ф. Ефремова, В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и И.Г. Андреева. Данные авторы, кроме собственных наблюдений, широко использовали для написания трудов русский архивный и летописный материалы, в том числе свидетельства третьих лиц.

К таковым, информативным для нас, можно отнести описания быта населения, составленные первым посетившим Семиречье и территорию Прииссыккуля в 1722–1724 гг., капитаном Иваном Унковским, направленным Петром I к Джунгарскому правителю Цэвану-Рабтану.

Самые ранние сведения о кыргызах, кочующих в окрестностях озёра Иссык-Куль, сообщает И. Унковский: «...Буруты, которые около озера Тускель кочуют» [1, с. 193] и «К тому же народом, именуемым Бурутами, завладеле, которые кочуют около озера, именуемого Тускель, и с Казачьего ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится 1) а войска их около 2) 3000 доброго собраться может» [1, с. 187].

В труде русского ученого и государственного деятеля В.Н. Татищева встречаются историко-этнографические записки о кыргызах. В.Н. Татищев отмечает о кыргызах: «Алатай киргизы, народ кочевой и сильный...» [2, с. 236].

Подобные интересные наблюдения о быте и нраве народа зафиксированы также у унтер-офицера Филиппа Ефремова.

В своём труде Филипп Ефремов сообщил о кочевках южнокыргызских племен: «Киргизы обитают не в самой Бухарии, а близ оной между городом Уш (Ош) и Кашгариею в горах и равнинах кочевьями в небольшом количестве...» [3, с. 73].

Ему удалось познакомиться с нравами и обычаями кыргызов, и он оставил этнографические заметки и ценные исторические сведения. Он пишет: «От Ушу (Ош) в горах живут кочевые киргизцы. Дорога лежит по горам и по косогорью. Горы очень высокие, лесу малое число; травы довольно. У одной горы воздух весьма тяжелый: пешаго человека захватывает дух, отчего умирают...» [4, с. 148].

Большой интерес для изучения этнографии кыргызов представляет сочинение «Описание Средней Орды киргиз-кайсаков» И.Г. Андреева. В труде Андреева касательно этнографии кыргызов он пишет следующим образом: «В летнее же время, когда не имеют ссоры с кайсаками, потому муж выходят из-за камня Алатау для кочевья к устью рек Цуи (Чуй) и Каука, и подходят к реке Кирасу...» [5, с. 51].

«...Как то и в полуденной части от Кукона к Кашкару адигене, отшельцы от диких, называются тоже буруты, до 5000 кибиток, которые кочуют между сих народов по степям» [5, с. 53].

Этнографические сведения о кочующих кыргызах дополняются материалами путешествий горных чиновников Михаила Поспелова и Тимофея Степановича Бурнашева 1800 г., из Западной Сибири в Бухару и Ташкент.

В описании Бурнашевым рассказывается о «...каменных или диких киргизцах, что весною киргизы переходят на степь, ближе к горам, а осенью кочуют обратно в долину р. Цуя (Чу)...» [6, с. 11].

Несколько позже, возвращаясь из Индии на родину, пересек Тянь-Шань грузинский путешественник Рафаэль Данибегов [7, с. 52]. Данибегов совершил две дипломатические поездки из Грузии в Индию. Первая, начатая в 1795 г., продолжалась почти четыре года, вторая длилась с 1799 по 1813 г. и завершилась в Москве.

Рафаэль Данибегов описывает природу, быт, жилище, костюм, пищу, язык, род занятий и нравы, привычки, обычаи, религию, экономическую и политическую жизнь стран и народов, которые он посещал. Вот как он описывает народы после того, как выехал из Турфана, через три месяца прибыл в Семипалат: «...как-то; Калмыков,

Киргизцев, Козаков, народов, которые все вообще кочуют по полям и живут в полатках, не упражняются совсем в земледелии, питаются молоком коровьим и лошадиным, из которого много делают творогу... Главное богатство их состоит в скоте. Скотоводство есть единственное их занятие. В торгу у них деньги не употребляются, но место их занимает мена вещами. Постоянных жилищ здесь вовсе не знают: где найдут хорошую пажить, там со всем скотом и останавливаются. По сему очень часто переменяют места жилищ своих...» [7, с. 52–53].

Этнографические сведения о тогдашней Киргизии находятся в «Записках о некоторых народах и землях Средней части Азии» Филиппа Назарова. Описывая кыргызов, он пишет о юрте: «...Мы повстречали в сем месте киргизов, которые от набегов разбойников и черных «закамененных» киргизов имеют каменные укрепления, поблизости коих видны обработанные поля и подвижные юрты» [8, с. 32].

Описания кыргызских кочевий, жилищ встречаются на записях и сведениях, относящихся к XIX в., когда территорию Кыргызстана посетили известные ученые П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч.Ч. Валиханов, А.Ф. Голубев, М.И. Венюков, Н.А. Северцев, В.В. Радлов, А.П. Федченко, Г.С. Загряжский, Н.Н. Пржевальский и др., которые оставили важные историко-этнографические материалы в своих трудах, откуда мы сегодня берем неисчерпаемые данные по истории и культуре кыргызов.

Заслуживает внимания статья «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», опубликованная в 1849 г. в «Записках русского географического общества», здесь описываются стада кыргызов, состоящие преимущественно из баранов, следующие за подвижными жилищами непостоянных хозяев своих [9, с. 188].

В 1856 г. первое свое путешествие на Тянь-Шань совершает член Российского географического общества учёный-географ, ботаник, путешественник Петр Петрович Семенов (1827–1914) (впоследствии получивший имя Семенов-Тянь-Шанский).

Экспедиция П.П. Семенова изучила историю, быт, обычаи населяющих местных жителей. И эти этнографические записи он изложил в мемуарах «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах», которые стали ценнейшим источником по этнографии кыргызов.

В мемуарах П.П. Семенов с интересом описывает кыргызские юрты. Даёт детальное описание юрты [10, с. 117].

П.П. Семенов приводит песню китайской принцессы, в которой упоминается юрта:

«Жалобная песнь усуньской королевы, написанная ею ещё до постройки дворца в конце II века до нашей эры, сохранена китайскими летописцами.

Вот её перевод:

Родные выдали меня замуж
И принудили жить в далекой стране,
Дворцом служит мне бедная юрта,
Которой стены обиты войлоком.
Сырое мясо служит мне пищей,
А кислое молоко напитком.
К отечеству стремятся мои чувства,
И сердце мое уязвлено глубоко.

О, если б я могла быть перелетной птичкой,
Как быстро понеслась бы я туда» [10, с. 184–185].

Об этом же пишет и выдающийся востоковед и путешественник, знаток китайского языка Н.Я. Бичурин. Его перу принадлежит специальная работа о народах Средней Азии в древности. Достоинством этой работы является перевод китайских источников на русский. Он пишет, что усуньский гуньмо (хан) имел «круглую кибитку, обтянутую войлоком». Эти данные встречаются в древнекитайских источниках и называли их китайцы цюнлу: «Выдали меня замуж на край света, в далекую чужую страну, за усуньского царя, – писала, например во II веке до н.э. китайская принцесса, – цюнлу служит мне домом, войлок стенами». На то, что такой шалаш имел полусферическую форму, указывает этимология слова цюнлу: этот термин записывался древнекитайскими иероглифами, имеющими значение «округлая поверхность», «свод». «Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется Мидичжи. Начальники живут в малых палатках...». Мидичжи – должно быть, не дворец, а мящик или мечети, храм мусульманский, объясняет он [11, с. 192].

Большой интерес для изучения представляет труд «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга» под редакцией В.П. Семенова Тянь-Шанского. В этой работе упоминается войлочная кыргызская юрта [12, с. 107].

Заметный след в изучении историко-культурного прошлого кыргызского народа оставил Чокан Чингисович Валиханов.

Учёный, описывая образ жизни кыргызов, освещает: «Дикокаменная орда (киргызы), как народ кочевой, живет в войлочных шатрах, наподобие калмыцких, и как у калмыков с тою только разницей, что сферический верх юрты гораздо ниже калмыцких, и вообще вся юрта имеет более нарядный щеголеватый вид...» [13, с. 36].

В 1859 г. в Кыргызстан был направлен профессор геодезии академии Генераль-

ного штаба Александр Федорович Голубев (1832–1866), в отчёте которого содержатся ряд этнографических сведений о кыргызах. В «Отрывке о путешествии» А.Ф. Голубев сообщает об ауле бугинцев: «...Богинов богаты: я видел множество скота, хорошие белые войлочные юрты...» [14, с. 25].

Михаил Иванович Венюков (1832–1901), русский ученый, географ-путешественник и этнограф, оставивший ряд важных сведений по истории края, упоминает о кыргызской юрте, о внутреннем убранстве юрты и о циновке, которая ставится по окружности юрты под войлоком [15, с. 110].

Большую работу по этнографическому изучению провёл академик Василий Васильевич Радлов. В труде «Из Сибири. Страницы дневника» уделил особое внимание кочевке кыргызов и отметил, что «...кыргызы живут не аулами, а целыми родами, зимой ставят свои юрты по берегам рек непрерывной цепью, которая нередко тянется верст на двадцать и более. Летом они таким же образом перемещают юрты все выше и выше в горы, так что каждый род выпасает свои стада на отдельном горном склоне. Такой способ кочевки определяется отчасти природными условиями, отчасти же весьма воинственным характером народа. Такое расположение юрт позволяет черным киргизам в течение нескольких часов привести армию в полную боевую готовность» [16, с. 348].

Знакомство видного исследователя Средней Азии и отважного путешественника Николая Алексеевича Северцова (1827–1885) с киргизами из племен солто и сарыбагыш состоялось в 1864 г. во время экскурсии в Чу-Сыр-Дарьинское междуречье. В отдельных районах, по данным Н.А. Северцова, киргизские зимовья лежат на высотах до 2700 м, летние кочевья еще выше: «следы их кочевок есть на Аксае и Атбаше, т.е. на высоте 3300 м» [17, с. 210].

Видное место в историко-этнографическом изучении Южного Кыргызстана принадлежит выдающемуся исследователю Алексею Павловичу Федченко. Вот как описывает чий, которого кыргызы используют в циновке: «Большое пространство вокруг лагеря было покрыто зарослями растения, носящего киргизское название "чий". Растение это представляет собой высокий злак (иногда вышиной с всадника на лошади), растущий громадными снопами. Каждый сноп образует как бы отдельную кочку, далеко отстоящую от других. Стебли чия ровны, крепки и очень удобны для выделывания циновок, которыми заставляются бока кибиток. Эти циновки так плотны, что защищают

жилище от пыли и ветра и вместе с тем пропускают свежий воздух и отчасти свет. Стебли связываются цветною шерстью, что образует красивые узоры» [18, с. 261].

Весьма ценными для нас являются этнографические заметки Г.С. Загряжского. Он оставил интересные записки о вечернем досуге киргизов. Он указывал, что «в юртах она (молодежь) развлекается шашками, фантами, костями, песнями, музыкой. Дети любят играть в бабки». А игра в «тогуз коргол» или «тогуз кумалак» была очень популярна среди стариков. Игральная доска, которая нужна для нее, есть почти в каждой юрте [19, с. 1].

Историко-этнографическая ценность накопленных сведений по материальной культуре несомненна. Перед нами предстает одна из категорий этнографических сведений о жилище, одного из основных компонентов материальной культуры, отражающих сложность пройденного народом пути. В народной архитектуре можно обнаружить культурные или этнические связи с другими древними и современными народами.

Заключение

Таким образом, в XVIII–XIX вв. благодаря усилиям русских ученых-исследователей, а также и путешественников по Кыргызстану были собраны ценные исторические и этнографические сведения, увидел свет целый ряд публикаций, освещающих отдельные вопросы, входящие в круг проблем этнографии Кыргызстана. Большинство научных публикаций русских дореволюционных работ, посвященных кыргызам, носило описательный характер.

Анализ этих публикаций позволяет разобрать процесс накопления фактических сведений, установить вклад отдельных путешественников и ученых, показать историко-этнографическую ценность материалов дореволюционного периода для современной исторической науки.

Изучение этих материалов и систематизации всего имеющегося в распоряжении исследователей значительного материала, который содержится в многочисленных публикациях, позволяет глубже осветить и передать через обстоятельное освещение многие аспекты материальной и духовной жизни нашего народа.

Список литературы

1. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. Зап. РГО по отд. Этнографии. 1887. Т. X. Вып. 2. 344 с.

2. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М., 1994. 500 с.
3. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибет и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811. 160 с.
4. Ефремов Ф. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии // Русская старина. Год XXIV-й. июль. 1893 г. 7 книга от 1 июля, 1893.
5. Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
6. Ханьков Я. Поездка Поспелова и Бурнашёва в Ташкент, в 1800 году // Вестник Императорского Русского географического общества. Кн. 1. Ч. 1. СПб., 1851. 57 с.
7. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815. 76 с.
8. Филипп Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова. Новое издание. М., 1968. 79 с.
9. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. «Записки РГО». Кн. III. 1849. С. 176–216.
10. Семенов П.П. Мемуары. Т. 2. Путешествие на Тянь-Шань. В 1856–1857 гг. М., 1946. 256 с.
11. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950. 334 с.
12. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. 861 с.
13. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. 432 с.
14. Голубев А.Ф. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край. Биографический очерк. Омск, 1900. 47 с.
15. Венюков М.И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Записки императорского русского географического общества. Кн. 4. СПб., 1861. С. 79–116.
16. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 752 с.
17. Северцев Н.А. Об исследованиях, произведенных им в Тянь-Шане в 1867 г. // Известия РГО. 1869. Т. V. С. 205–211.
18. Лялина М.А. Путешествия по Туркестану Н.А. Северцева и А.П. Федченко. СПб., 1894. 292 с.
19. Загряжский Г.С. Очерки Токмакского уезда // Туркестанские ведомости. 6 марта 1873 г. № 10. С. 1–2.

СТАТЬЯ

УДК 378.14

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР КАК ФОРМА ПОВЫШЕНИЯ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА**

Кузнецова А.Я., Омельченко Е.А., Зверкова А.Ю., Абрамова В.В., Шмидт Т.А.
*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск,
 e-mail: phileducation@yandex.ru*

В статье представлен опыт работы постоянно действующего научного семинара кафедры теории и методики дошкольного образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» по проблемам методологии психолого-педагогических исследований. Обсуждается идея актуальности семинара как формы непрерывного формирования и повышения методологической грамотности профессорско-преподавательского состава вуза. Представлена практика совершенствования методологической грамотности преподавателей вузов при освоении новых парадигм образования. Содержание семинаров иллюстрирует оригинальные исследования ученых – преподавателей кафедры Е.А. Омельченко «Становление культуры самовыражения студентов» и А.Ю. Зверковой «Парадигма здоровьесориентированного мировоззрения», послужившие материалом для обсуждений на семинаре. Деятельность данного семинара направлена на апробацию новых идей, уточнение достоверности проводимых на кафедре исследований. В результате научно-рефлексивной работы семинара осуществляется необходимая для научного творчества коллективная мыслительность в режиме совмещения преподавания и научных исследований. В итоге коллективного рефлексивного взаимодействия педагогов растет уровень методологического осмысления персональных исследований. К повышению методологической грамотности ведёт регулярное обсуждение перспективных проблем на уровне докторских диссертаций, вовлечение в научные исследования более высокого методологического уровня аспирантов и магистрантов, оформление новой научной школы А.Я. Кузнецовой «Рефлексивные процессы в науке и образовании».

Ключевые слова: методологическая грамотность педагога, новая парадигма образования, научный семинар кафедры, научно-рефлексивная коллективная мыслительность, совершенствование методологии

**SCIENTIFIC SEMINAR AS A FORM OF INCREASING
THE METHODOLOGICAL LITERACY OF A UNIVERSITY TEACHER**

Kuznetsova A.Ya., Omelchenko E.A., Zverkova A.Yu., Abramova V.V., Shmidt T.A.
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, e-mail: phileducation@yandex.ru

The article presents the experience of a permanent scientific seminar of the Department of Theory and Methodology of Preschool Education “Novosibirsk State Pedagogical University” on the problems of methodology of and pedagogical research. The idea of the relevance of the seminar as a form of continuous formation and improvement of methodological literacy of the teaching staff of the university is discussed. The practice of improving the methodological literacy of university teachers is presented. The content of the seminars illustrates the original research of scientists – teachers of the department – E. A. Omelchenko “The formation of a culture of self-expression of students” and A. Y. Zverkova “The paradigm of a health-oriented worldview”, which served as material for discussions at the seminar. The activity of this seminar is aimed at testing new ideas, clarifying the reliability of research conducted at the department. As a result of the scientific and reflexive work of the seminar, the collective research activity necessary for scientific creativity is carried out in the mode of combining teaching and scientific research. As a result of collective reflexive interaction of teachers, the level of methodological understanding of personal research is growing. The conclusion is made about the improvement of methodological literacy of teachers of the department as a result of regular discussion of promising problems of education, taking into account all levels of scientific methodology from postgraduate research and doctoral dissertations to the formation of a new scientific school of A. Ya. Kuznetsova “Reflexive processes in science and education”.

Keywords: methodological literacy of the teacher, new education paradigm, scientific seminar of the department, scientific and reflexive collective thinking, improvement of methodology

Во второй половине XX в. социум получил колоссальные научные данные во всех областях жизнедеятельности. В настоящее время внимание общества акцентировано на развитии гуманитарного направления знаний, в том числе на психолого-педагогические исследования, большая часть которых проводится учеными – преподавателями вузов. В связи с возрастающими требованиями к объёму и научности осваиваемой информации актуализируется

проблема повышения методологической грамотности преподавателей вузов [1]. Одновременно с повышением уровня осмысления организации образовательной деятельности повышается и уровень мыслительной деятельности, определяющей характер методологической культуры преподавателя вуза [2]. В поиске путей профессионального развития педагогов исследователи приходят к фундаментальности методологического начала в реше-

нии данной проблемы [3]. В современных исследованиях методологическая культура преподавателя представлена как научно-организационная проблема педагогического образования [4]. Проблема освоения более высокого научного уровня приводит к необходимости поиска новых форм мыслительного взаимодействия преподавателей вузов, направленного на активизацию творческого потенциала ученых-педагогов.

Цель статьи – представить опыт работы научного семинара кафедры теории и методики дошкольного образования (ТиМДО) ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «НГПУ») для подтверждения возможностей такой формы организации коллективной мыследеятельности (КМД) преподавателей вуза в повышении методологического уровня научной работы.

Материалы и методы исследования

Материалом для статьи послужил опыт научного общения преподавателей вуза, личные научные труды авторов, современные труды по вопросам методологии. Исследование содержит методологический анализ форм и способов совершенствования научной деятельности преподавателей вузов на основе системно-деятельностного, личностно-ориентированного, компетентностного подходов.

Результаты исследования и их обсуждение

Методологический семинар кафедры ТиМДО ФГБОУ ВО «НГПУ» начал работать в апреле 2016–2017 учебного года. Непрерывная ежемесячная деятельность методологического семинара в течение пяти лет позволяет провести некоторые обобщения и представить его целостное описание через название, тип, участников, цель, области наук, формы деятельности, значимые разработки.

Название: Методологический семинар кафедры ТиМДО как часть научной школы «Рефлексивные процессы в науке и образовании» доктора философских наук А.Я. Кузнецовой.

Тип: а) по типу связей между членами – научная группа; б) по типу научной идеи – теоретико-экспериментальный (практический); в) по широте исследуемой области – узкопрофильный (педагогика, философия, психология); г) по функциональному назначению продуцируемых знаний – прикладной, существуют фундаментальные элементы; д) по форме организации деятельности участников – КМД (коллективная мыследеятельность) с индивидуальными

формами организации научно-исследовательской деятельности; е) по степени институализации – неформальный; ж) по уровню локализации – личностный.

Методологический семинар выступает одной из форм научного мышления. Причина его появления – потребность обмена мнениями в научной сфере, совершенствования научно-исследовательских умений, стремление к самовыражению и самореализации в науке, апробирование инноваций. Расширение и углубление на семинаре знаний, представлений о методологии, философских основаниях научного исследования открывает новые горизонты научного изучения актуальной педагогической проблематики.

Организации-участники: Кафедра теории и методики дошкольного образования Института детства ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра педагогики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», МКДОУ «Детский сад № 42» г. Новосибирска, МБОУ СОШ «Гимназия № 17» г. Новосибирска, МБОУ СОШ № 191 г. Новосибирска, МКДОУ «Детский сад № 368» г. Новосибирска.

Цель деятельности: создание условий для научного роста участников методологического семинара. Области наук: философия образования, общая педагогика, методология психолого-педагогических исследований, технология профессионального образования, дошкольная педагогика. Формы деятельности: очные и дистанционные семинары, подготовка и публикация статей, монографий, учебных пособий, подготовка текстов диссертационных исследований, проведение публичных лекций, участие в научных конференциях. Разработки, имеющие научную значимость: публикации в журналах ВАК, монографии, учебные пособия.

Осмысление классической методологии педагогических исследований. Для начала дискуссии были выбраны проблемы теории и методологии педагогической науки с акцентом на осмыслении парадигмы современной педагогики и революционных преобразований в ее методологии. Современной методологической науке образования менее 100 лет. Начало научной педагогики России относится к работам П.П. Блонского и его современников, креативных педагогов, осознанно и осмысленно создававших и структурировавших теорию образования в начале прошлого века. Соратники П.П. Блонского реализовывали свои идеи в теории и практике образования, создавая оригинальные образовательные учрежде-

ния и подвергая свой опыт рефлексивному анализу. Императивом такой деятельности стала потребность сосредоточения жизни общества на наилучшем воспитании каждого ребёнка нового поколения. Одновременно с созданием новых образовательных учреждений в начале XX в. были заявлены новые теоретические направления: проблемное обучение, диалогическая парадигма образования, культурологическая парадигма, системно-деятельностный подход, личностно-деятельностный подход, интеллектуально-деятельностный подход. В это же время начинается осмысление оптимизации образования, управления образованием, алгоритмизации обучения; сформулированы основания генетической логики в обучении. Все названные направления создавались в рамках знаниевой парадигмы и на основе методологии психологических исследований, разрабатываемых российскими психологами: П.Я. Гальпериным, Н.Ф. Талызиной, А.Н. Леонтьевым и др. [5]. В то время многочисленные педагогические работы не были ещё объединены в целостную науку – педагогику. В.В. Краевский в 1997 г. опубликовал статью «Сколько у нас педагогик?», указывая на то, что различные работы по педагогике не имеют единого методологического языка. Аналогичное положение складывается в настоящее время в области методологии психолого-педагогических исследований, по отношению к которой можно поставить вопрос: «Сколько у нас парадигм образования?» [6]. Вопрос, сформулированный таким образом, указывает на наличие в теории образования внутренней потребности в единой интегрирующей общепринятой модели современного образования.

В следующем, 2017–2018, учебном году тематика семинара была обращена к *возможным вариантам решения двух основных глобальных вопросов*. Первый: как «преломляются» принципы классической, неклассической, постнеклассической научных парадигм в современных педагогических исследованиях. Второй: стратегии современного образования, их построение с учетом постнеклассической научной парадигмы, общие и частные стратегии профессионального образования. Изучение методологического развития концептуальных моделей образования показывает, что исторически первой в 1950-е гг. оформилась знаниевая парадигма на фундаменте научной психологии. Результатом объединенного научного подхода в педагогике и психологии стало появление новой области науки: методологии психолого-педагогических исследований, а далее и третьей составляющей современной науки об образовании чело-

века – философии образования. Методологическая концепция образования построена на феномене «знание», гносеологически и сущностно представляющем образование человека. В связи с гносеологической фундаментальностью понятия «знание», элементы «знаниевой концепции» останутся во всех последующих инновационных парадигмах образования, так как «знание» – фактор высших психических процессов человека, совмещенных с категорией «образование», которую мы используем для обозначения «гуманизации» – становления человека человеком. Знаниевой концепции парадигмы образования исторически соответствовали первые модели гуманитарного и естественнонаучного образования в университетах. В связи с научно-техническим развитием общества появилась необходимость в парадигме «инженерного образования» и других специальных направлений образования. Такие модели получили название «парадигм профессионального образования». Профессиональная подготовка потребовала не только специальных знаний, но и особых характеристик, которые получили название «компетентности». Компетентностная парадигма – одна из ведущих в настоящее время [7].

Разработка новых оригинальных методологических моделей образования. В 2018/2019 учебном году содержание семинара сконцентрировалось на концепциях, концептуальных подходах и их использовании как в научной педагогике, так и в практике образования на разных его уровнях. Отправная точка взаимосвязи парадигмы и концепций – влияние научных подходов на концепции и теории. Обсуждение имеющегося этапа развития компетентностного, деятельностного, системного подходов, гуманистических идей стало отражением последних изменений, интенсивно трансформировавшихся российское образование за последние сорок лет.

Личностно-ориентированная парадигма разрабатывается как самостоятельное магистральное направление в теории современного образования со второй половины XX в. Теоретические основания этой парадигмы предоставила созданная в середине XX в. психология личности и оформленная в 1980-е гг. концепция гуманизации образования. Представленная в это же время гуманистическая парадигма образования отражает гуманистический аспект личностно-ориентированной парадигмы. Их методологические цели – развитие личности, предмет исследования и категориальный аппарат совпадают. Совпадает в этих моделях также содержание понятия «личность»,

отвечающее взгляду современной психологии. Освоение «личностного» подхода приобрело массовый характер в научно-педагогической мысли конца XX в.

Дальнейшие исследования показали, что модели образования, построенные на одном из названных подходов, не достигают целостности [8]. Прикладное значение достигается при объединении подходов, в котором элементы различных парадигм естественно дополняют друг друга, следуя методологическому принципу дополнительности. Такое объединение моделей в современных исследованиях называют интеграцией или построением «новой парадигмы образования». Однако объединение концептуальных моделей требует фундаментального подхода. Необходимые условия для этого обеспечивает переход на более высокий методологический уровень. Выяснение важнейшей категории образования – цели современных магистральных парадигм образования показывает, что для компетентностной парадигмы образования – это овладение знаниями и компетенциями, т.е. профессиональное развитие специалиста; личностно-ориентированное направление содержит в себе цель – развитие личности, раскрытие и осуществление природного потенциала индивида. Наполняя эти цели социальной гражданской сущностью образования, мы получаем содержание цели новой парадигмы: воспитание, развитие и формирование личности специалиста и гражданина.

Материалом для обсуждения на семинарах послужили доклады Е.А. Омельченко, содержащие апробацию модели и категории «культура самовыражения педагога». К позитивным результатам деятельности семинара следует отнести осмысление разработок новых методологических концепций, оформление представлений о новых компетенциях, формулировку новых научных понятий [9].

Новые компетенции как новые научные категории образования. Творческим научным мыслительным актом для семинара стало обсуждение формирования ключевой компетенции «быть здоровым» (2004 г.). Оно показало актуальность изучения аспектов её формирования у субъектов образовательного процесса. Предложенное А.Ю. Зверковой научное понятие представляет полифункциональную характеристику природосообразного здоровьесберегающего поведения индивида, имеющую качественные и количественные особенности при формировании в системе непрерывного образования. Компетенция «быть здоровым», развивающаяся в течение всей жизни и имеющая

личностный и профессиональный уровень реализации, проявляющаяся как совокупность интеллектуальных и практических умений, базируется на принятии индивидуального здоровья как значимой ценности, включает знания и навыки сохранения имеющегося потенциала здоровья и определяет поведение личности в ситуации выбора в здоровьесберегающих и здоровьесокращающих условиях. Идеи её формирования стали прорабатываться на трех уровнях образования: дошкольном, школьном и вузовском. Осмыслена проблематика системы здоровьесберегающей деятельности и процесс здоровьесберегающей социализации личности. Уточнение компетенции «быть здоровым» позволяет формулировать методологическую проблему становления здоровьесберегающего мировоззрения. Осмысление философских идей педагогики здоровья, основанных на понимании формирования здорового образа жизни обучающегося, на практике позволяет перейти к разработке синергетически развивающейся системы здоровьесберегающего проектирования.

Заключение

Методологический семинар является важной формой повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вуза. На его заседаниях присутствуют аспиранты, соискатели и докторанты, которые в виде докладов представляют актуальные результаты своих научных исследований, апробируют высказанные гипотезы, выносят на обсуждение полученные текущие научные результаты, оттачивают формулировки проблем исследования. Обсуждение и корректировка научного поиска повышают перспективность исследований, позволяют выявить точки зарождения совместных исследовательских проектов. Материал, апробированный на семинарах, позволяет его участникам публиковать статьи в журналах из перечня ВАК и РИНЦ, в сборниках конференций международного и всероссийского уровней, издавать научные монографии и учебные пособия. Системность работы семинара коррелирует с оформлением нового научного направления А.Я. Кузнецовой «Гуманистическая философия образования» (2019 г.) и новой научной школы А.Я. Кузнецовой «Рефлексивные процессы в науке и образовании».

Регулярность проведения семинара повышает его жизнеспособность как формы организации, обеспечивающей социальный характер совместной деятельности, позволяющей привлечь к участию в дискуссиях молодых исследователей, аспирантов.

Камерность аудитории методологического семинара, доброжелательный настрой и готовность помогать коллегам создают атмосферу, позволяющую магистрантам и аспирантам эффективно наращивать опыт публичных выступлений, развивать умение слышать собеседника, адекватно реагировать на вопросы по своей теме. Ценной является и возможность посмотреть на предмет собственных научных интересов в преломлении общей темы семинара, услышать точку зрения других исследователей, возможно, внести изменения и дополнения в свое диссертационное исследование. Функционирование семинара, с нашей точки зрения, открывает каждому его участнику возможности как для самопрезентации, так и для самораскрытия. Такая форма КМД является средством научной, профессиональной и личностной самореализации. На этом основании создаются условия для продвижения вперед и развития, углубления, расширения исследований, проводимых его участниками.

Наряду с уже состоявшимися учеными в работе методологического семинара принимают участие магистры и аспиранты, делающие первые шаги в науке. Благодаря возможности участвовать в обсуждении выступлений, задавать вопросы наравне со всеми, они погружаются в научную среду под руководством более опытных коллег, включаются в научные дискуссии, развивают критическое мышление, «заражаются» здоровым азартом исследователя и любовью к науке. Семинары нужны для развития образования и науки. В этом аспекте методологический семинар способен с высокой степенью успешности выполнять функции наставничества, помогающего магистрам, аспирантам, докторантам не только стать частью научного сообщества, но и подготовиться к защите своего научного исследования на более высоком методологическом уровне, оставаясь при этом в психологи-

чески комфортной среде. В целом речь может идти об одной из форм подготовки молодых ученых, которые приобщаются к основополагающим подходам, принципам научной деятельности, учатся на нем научному творчеству и/или повышают уровень развития своих исследовательских умений. В более глобальном смысле можно говорить об определенном вкладе в развитие современной науки, вносимом деятельностью нашего семинара.

Список литературы

1. Коваленко В.И., Коваленко Е.В., Курганский С.И., Соколова О.А., Сраджев В.П. Методологическая компетентность педагога-исследователя: монография. Белгород: Эпицентр, 2017. 184 с.
2. Кузнецова А.Я. Проблема рефлексивного управления в образовании: современный взгляд // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. С. 138.
3. Бухтиярова Е.Ю. Методологические основы непрерывного профессионального развития педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–3. С. 51–54.
4. Снопкова Е.И. Теоретические и организационно-методические основы развития методологической культуры педагога в процессе непрерывного педагогического образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Минск, 2020. 47 с.
5. Кузнецова А.Я., Омельченко Е.А. Современные парадигмы образования в контексте теории научных революций // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № 11. С. 24–33.
6. Колосова И.В. Компетентностный подход в свете новой парадигмы профессионального образования // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 11. С. 282–287.
7. Шелковникова Л.Ф. К вопросу о знаниевой парадигме в образовании // Преподаватель XXI век. 2015. № 1–1. С. 47–54.
8. Федотова В.С. Дискурсивный анализ парадигм образования на современном этапе: становление новой парадигмы образования / Современная наука: теоретические, практические и инновационные аспекты развития: коллективная монография: в 9 т. Ростов-на-Дону: Научное сотрудничество, 2017. С. 150–184.
9. Кузнецова А.Я., Зверкова А.Ю., Омельченко Е.А. Изменения профессиональной подготовки студентов вуза под воздействием цифровизации общества // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 68–74.

СТАТЬИ

УДК 81:001.12/.18

АРАБСКИЕ ЛЕКСЕМЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «БИЛИМ» (ЗНАНИЕ) В КЫРГЫЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

¹Абдурахманова Х.Т., ²Атакулова М.А., ³Шерматова Ф.С.

¹*Ошский государственный университет, Ош, e-mail: Gulabdurahmanova81@gmail.com;*

²*Ошский технологический университет, Ош, e-mail: atakulova@bk.ru;*

³*Международный медицинский университет, Бишкек, feruza.shermatova2020@gmail.com*

Настоящая статья анализирует лингвокогнитивную природу заимствованных арабских лексем в репрезентации концепта «Билим» (Знание) в кыргызской языковой картине мира. В статье определяются теоретические предпосылки исследования, выявляется лингвистическая дефиниция концепта. Целью статьи является анализ семантико-когнитивных, этимологических признаков заимствованных арабских лексем, вербализующих концепт «Билим» (Знание) в кыргызском языке. В исследовании используются описательно-аналитический, контекстно-диахронический (внутренняя реконструкция единиц) и семантико-когнитивный методы. В силу историко-культурных, лингвистических и религиозных особенностей концепт «Билим» (Знание) вербализуется заимствованными арабскими лексемами в кыргызской языковой картине мира. Лингвокогнитивные и лингвокультурные основы заимствования арабских лексем связаны с распространением ислама в Средней Азии. Общая доля слов арабского происхождения составляет 5,57 % (2177 слов) в Кыргызско-русском словаре К.К. Юдахина. Авторы полагают, что арабские заимствования, вербализующие концепт «Билим» (знание), отражали научную и религиозную картину мира до Октябрьской революции. Однако после Октябрьской революции арабизмы, вербализующие концепт «Билим» (Знание), приобрели светскую научно-просветительскую коннотацию. Многие заимствованные арабские лексем следуют законам кыргызской фонетики, а также активно участвуют в словообразовании. Заимствованные арабизмы репрезентируют концепт «Билим» (Знание) и олицетворяют научную картину мира в языковой картине мира кыргызов. Однако лингвокогнитивное исследование заимствованных арабских лексем при репрезентации концепта «Билим» (Знание) требует дальнейшего изучения с учетом антропологических парадигм современной лингвокогнитивной науки.

Ключевые слова: знание, концепт, кыргызская языковая картина мира, заимствованные арабизмы, ислам, религиозная картина мира, научная картина мира, когнитивная репрезентация

ARABIC LOAN WORDS IN REPRESENTING THE COGNITIVE CONCEPT OF 'BILIM' (EDUCATION) IN THE KYRGYZ LINGUISTIC MENTALITY

¹Abdurakhmanova Kh.T., ²Atakulova M.A., ³Shermatova F.S.

¹*Osh State University, Osh, e-mail: Gulabdurahmanova81@gmail.com;*

²*Osh Technological University, Osh, e-mail: atakulova@bk.ru;*

³*International Medical University, Bishkek, e-mail: feruza.shermatova2020@gmail.com*

The paper studies linguistic content of the Arabic loan words in representing the cognitive concept of 'Bilim' (Education) in the Kyrgyz linguistic mentality (mindset). The research reviews the necessary literature concerning Cognitive Linguistics and Concept Studies; it outlines the linguistic definitions of the cognitive concept of 'Bilim' (Education) proposed by various linguists. The paper aims at analyzing the semantic and cognitive as well as etymological features of the Arabic loan words that represent the cognitive concept of Bilim (Education). The borrowing process of the Arabic words into the Kyrgyz language is closely connected with the historical, linguistic and cultural conditions, related to Islam penetration in Central Asia. The study revealed that the total number of Arabic loan words comprises 5,57% (2177 words) in the Kyrgyz-Russian Dictionary by K. Yudakhin. Prior the Soviet era the Arabic loan words represented religious and educational mentality of the Kyrgyz. During the Soviet era, the most of the Arabic loans lost religious connotations; the modern Kyrgyz academic discourse and academic concepts are verbalized by the Arabic loans. The Arabic loans adapted to the linguistic of the Kyrgyz language, they are also actively used in the word coinage. The topic on representation of the cognitive concept of 'Bilim' (Education) by the Arabic loan words, requires further analysis in the context of the anthropological and cognitive paradigms.

Keywords: education, concept, the Kyrgyz linguistic mentality, Arabic loans, Islam, religious mentality, academic (scientific) mentality, cognitive representation

Целью настоящей статьи является анализ семантико-когнитивных, этимологических признаков заимствованных арабских лексем, вербализующих концепт «Билим» (знание) в кыргызском языке. В кыргызской языковой картине мира концепт «Билим» (знание) образован под влиянием общечеловеческой

истории знания и науки, т.е. определенные термины были заимствованы из арабского, персидского и русского языков. В свою очередь, кыргызская языковая картина мира представляет опыт и знание кыргызов, облеченные в языковые знаки; в ней передаются когнитивные и культурные

характеристики народа. Языковое пространство о знании является частью общенационального культурного пространства. «Национально-культурное пространство мозаично. Оно состоит из информационных полей, которые отражают различные сферы жизнедеятельности людей: научную, религиозную, политическую, военную, художественную и т.д. Каждая сфера деятельности людей образует особое пространство» [1, с. 366]. В связи с этим концепт «Билим» (знание) отражает научное пространство, которое имеет свои особенности. Научная картина мира, будучи частью общей картины мира, представляет собой когнитивную структуру, в которой проявляются ценности народа о науке и знании. Этнические ценности о знании формировали мировоззрение и научно-просветительское самосознание кыргызов. Кыргызы, как носители этнической и научно-просветительской ментальности, по своему вербализуют концепт «Билим» (Знание). В кыргызских языковых формулах содержатся познавательные установки кыргызов. В пословице *Билими күчтүү миңди жыгат* закрепляются стремления кыргызов к знаниям. Через лексемы кыргызского языка закрепляются объекты и предметы познания, понятийный аппарат, теоретические и практические положения, научные гипотезы, правила и постулаты фундаментальных и прикладных наук; при помощи кыргызского языка обработана и отображена кыргызская научная картина мира. В основе психического и ментального мировоззрения у кыргызов лежат любовь к свободе, стремления к знаниям, большое уважение к представителям образования и образованным людям. Кыргызы, будучи кочевниками в степях Евразии, имели свою письменность на руническом алфавите в VII–XII вв. нашей эры, затем они пользовались персидским, арабскими письмами; на территории Средней Азии существовал чагатайский литературный язык, который имел варианты у кыргызов, казахов, узбеков и др. Использование кириллицы также открыло большие возможности развития образования и науки в Кыргызстане.

Материалы и методы исследования

Как отмечают К.З. Зулпукаров и др., термин концепт уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в когнитивной лингвистике (А. Вежбицкая, Р. Лангакер, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.А. Маслова и др.). Каждый ученый по-своему понимает термин концепт. Например, Е.С. Ку-

брякова дает следующее определение: «концепт как связующее звено между мышлением и языком, как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» [2]. По определению И.А. Стернина, концепт – это мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, активизируя... разные признаки и слои [3]. К.З. Зулпукаров и др. полагают, что концепт – сложное образование, которое состоит из единиц меньшего объема [1]. Концепт является объектом изучения когнитивной лингвистики, концепт отражается в языковой картине мира. На наш взгляд, каждый концепт «как и другие единицы языка в каждом отдельном языке проявляет инвариантное значение» [4]. Картина мира включает в себя множество разных аспектов, но ключевое место отводится человеку, особенностям его жизни и взаимоотношений с окружающей средой, а также условиям его существования в этой жизни. В антропоцентрическом подходе исследования языка человек является центром языковой системы, а сам язык изучается как явление человеческой психики и менталитета во взаимодействии с жизнью. Человек показывает свою личность со своим интеллектом. Лингвистика XXI в. рассматривает не отдельные фрагменты языка, а личностные качества человека в языке; и не только вербальное общение, но и изучение взаимосвязи языка и сознания, мышления, культуры, тактики поведения, социального статуса становится актуальным [5]. Языковая картина мира проявляется в множественности, можно говорить о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека. Картина мира образует отношение человека к природе, людям, к самому себе, к труду, к нравственным устоям, этническим традициям, определяет его место в культурно-языковом пространстве [6]. Языковая картина мира (образ мира) создается в результате когнитивной деятельности человека, проходя сложные психофизические и мыслительные процессы. Человек в своем сознании отражает объективную деятельность, членит ее, образуя как бы некие фрагменты (концепты), формируя на первоначальном этапе когнитивную картину мира, которую далее путем сложных операций переводит в концепт-картинки, затем номинирует их единицами языка в концептослове, получая, таким образом, уже оязыковленную картину мира, т.е. языковую картину мира.

В данной статье используются описательно-аналитический, контекстно-диакронический (внутренняя реконструкция единиц) и семантико-когнитивный методы. Фактологические данные (примеры заимствованных арабских лексем, сочетающихся с лексемой «Билим» (знание), получены методом сплошной выборки. Языковые единицы были отобраны из научно-образовательного дискурса, из терминологических словарей и справочников, из художественной литературы и фольклора.

Результаты исследования и их обсуждение

Исторические, культурные и лингвистические основы изучения арабских лексем в репрезентации концепта «Билим» (Знание)

Каждый язык является частью общества, и язык не существует без этнического общества. Концепт «Билим» (Знание) в кыргызском языковом сознании репрезентируется исконно кыргызскими, общетюркскими, русскими (индоевропейскими) и арабскими лексемами. Представления кыргызского народа о знании восходят к древним временам. Древнекыргызская руническая письменность и древнекыргызский литературный язык в VII–XII вв. оставили свой след в наскальных надписях на просторах азиатского континента. В последующие эпохи кыргызы использовали согдийскую, уйгурскую и чагатайскую графики. Арабские лексем были заимствованы в тюркские языки с принятием исламской религии. Как отмечает И. Асланова, распространение ислама в Кыргызстане датируется началом VIII в. после завоевательных походов Кутейбы ибн Муслим (668–715) в Среднюю Азию [7]. В Караханидском государстве (940–1212) ислам был господствующей религией. Оседлая часть населения приняла ислам, а кыргызы частично исламизировались к началу XI в. В условиях «исламского ренессанса» в государстве Караханидов развивалось творчество великих просветителей? таких как Ю. Баласагуни, М. Кашкари, Абу Бакр Ас Сарахси, шейх Бурхан ад-дин Клыч с Узгена, Сулейман ал-Оши, Мансур ал-Оши и других [7]. Общая доля слов арабского происхождения составляет 5,57% (2177 слов) в Кыргызско-русском словаре К.К. Юдахина. Хронология заимствования арабизмов в кыргызский язык тщательно не изучена, однако, по мнению Т. Абдиева, арабизмы были заимствованы после XVI в., а также арабизмы начали активно

использоваться в лексиконе в конце XIX и начале XX вв. Кыргызский ученый Б. Юнусалиев предложил гипотезу о том, что арабизмы проникали в кыргызский язык в два периода: в XII–XIII вв. и в XIV–XV вв. Однако арабизмы в кыргызском языке встречаются меньше, чем в других языках Средней Азии. Это связано с тем фактом, что кыргызы приняли ислам позже других народов региона. Религиозные термины составляют одну треть заимствованных арабизмов, остальная часть слов выражает абстрактные понятия, термины природных явлений, названия пищевых продуктов, оружия и др., также есть слова, которые используются в академическом дискурсе [8]. Одна четвертая часть арабских заимствований пережила семантическую модификацию. Например, *халаик* (создание) – *калайык* (народ); *саииб* (женщина, бывшая замужем) – *зайып* (супруга, жена); *мусафир* (гость, путешественник) – *мусапыр* (странник); *такдир* (догадка, предположение) – *тагдыр* (судьба); *таксир* (сокровище) – *таксыр* (господин); *шуала* (пламя, факель) – *шоола* (луч, свет); *кальат* (крепость, цитадель) – *калаа* (город); *ааилат* (семья, семейство) – *аял* (жена, женщина); *миһнат* (занятие, дело, профессия) – *мээнет* (труд); *салабат* (твердость, прочность) – *салабат* (твердость, величие); *тавакул* (упование) – *тобокел* (авось). Арабизмы вошли в кыргызский язык посредством уйгурского, узбекского, казахского и таджикского языков; поскольку арабизмы в кыргызском языке и встречаются в языках народов Средней Азии. Такие слова, как *амал+көй*, *кадыр+ман*, +, *мээнет+кеч*, *куса+дар*, *илим+поз*, имеют арабские корни, а суффиксы *-көй*, *-ман*, *-кер*, *-кеч*, *-дар*, *-поз* иранского происхождения. Арабизмы в основном заимствовались в устной речи, соответственно они приняли фонетические законы кыргызского языка. Например: *китаб* – *китеп*; *давлат* – *дөөлөт* (мамлекет; байлык); *азал* – *эзели*; *кавм* – *коом*; *акват* – *оокат*; *шарбат* – *шербет*. В результате арабизмы полностью ассимилировались в кыргызском языке, современные носители даже не догадываются об иностранном происхождении этих слов. Некоторые арабизмы вышли из обихода, вместо них заимствованные русизмы или иностранные слова используются для выражения тех значений. Например: *жумууруят* – *республика*; *зайтун* – *олива*, *маслина*; *шора* – *совет* (орган власти); *Шора өкмөтү* – *Советская власть*, *Советское правительство*; *байналмилал* – *интернационал*; *кыжалат коому* – *потребительское общество*; *мыйзам* – *закон*.

Из них некоторые лексемы вербализуют концепт «Билим», тем не менее они тоже устарели. Например: *имла, имле* – орфография, правописание; *имле зрежелери* – орфографические правила, правила орфографии; *кыбыла нама* – компас; *нуска* – экземпляр; *асыл нуска* – подлинник; *ымтыкан* – испытание, экзамен. Некоторые из них вытеснили русизмы: *закон, олива, экземпляр* после обретения независимости Кыргызстана; в то же время *мыйзам, зайтун, нуска* заново проникли в лексику после обретения независимости. Мы думаем, что до Октябрьской революции арабские заимствования, вербализующие концепт «Билим» (знание), отражали научную и религиозную картину мира. Поскольку кыргызы обучались в религиозных школах – медресе, также изучали математику, географию, историю и другие предметы наряду с постулатами исламской религии. Однако после Октябрьской революции следующие арабизмы, вербализующие религиозный концепт «Билим» (знание), приобрели светскую научно-просветительскую коннотацию. Часть арабизмов так и репрезентируют религиозную картину мира по сей день (*Алла, дин, ажы, ажал, азан, парыз, битир, даарат, кайыр, кыямат, мазар, мечит, садага, сооп, шарият, шугур, рамазан, зекет, курман, молдо, сүннөт, имам*). Соответственно, арабизмы вербализующие концепт «Билим» (Знание), стали частью литературного пласта кыргызской лексики и внесли вклад в образование новой кыргызской научной картины мира в начале XX в. Звуковые особенности полностью приняли фонетические законы кыргызского языка. Например: *алифба* – *алиппе* (букварь), *харф* – *арип* (буква), *дарс* – *дарс* (урок), *баб* – *бап* (глава), *китаб* – *китеп* (книга), *хатт* – *кат* (письмо), *аилм* – *илим* (наука), *мадраса* – *медресе* (школа), *мактаб* – *мектеп* (школа), *муъаллим* – *муғалим* (учитель), *таълим* – *таалим* (знание), *тарбия* – *тарбия* (воспитание), *адабий* – *адабий* (литературный), *аилмий* – *илимий* (научный), *сийасий* – *саясий* (политический), *тарихий* – *тарыхый* (исторический), *дунйа* – *дүңүйө* (свет, мир), *макалат* – *макала* (речь, статья), *аалам* – *аалам* (вселенная), *фикр* – *пикир* (мнение, мысль), *даража* – *даража* (степень), *аалим* – *аалым* (ученый, богослов), *адабийят* – *адабият* (литература), *маданият* – *маданият* (культура), *хукм* – *өкүм* (решение (суда), *хукумат* – *өкмөт* (правительство), *хукук* *укук* (право), *кавм* – *коом* (общество). А некоторые арабизмы, вербализующие концепт «Билим» (Знание), вышли из обихода. Например: *дарылпунун, дарылфунун* – университет, *высшее учебное заведение, мударис*

(преподаватель высшей мусульманской школы), *пан* (наука), *сынпы* (класс в школе); *муктасар* (название книги по мусульманско-музаконоведению), *дарыс* (урок, лекция в вузе), *дарыскана* (аудитория для чтения лекций), *үжүрө ар. ист. худжра* (келья, отдельная комнатка для студентов медресе), *жабыр* (алгебра). Слово *китеп* было заимствовано из арабского слово *كتاب* для выражения Корана. В значении *священная книга* слово *китеп* в кыргызском языке выражает Коран, Библию, Тору. С того времени как открылись секулярные школы в начале XX в., религиозное значение *китеп* приобрело научно-просветительскую коннотацию для выражения книги в современном значении. Архаизм *чар китеп* выражал *букварь* или *грамматический справочник* изучения Корана. До появления светских школ слово *молдо* (мулла) имело значения преподавателя религиозной школы, а также любого образованного человека называли *молдо*. Данная лексема является самым многозначным словом среди лексем вербализующие концепт «Билим». Рассмотрим каждое значение по отдельности. Молдо – 1) грамотный человек, грамотей (точнее, под именем молдо обычно разумеют человека, учившегося в дореволюционной мусульманской школе и владеющего арабской грамотой); 2) мусульманское духовное лицо, мулла; молдунун айтканын кыл, кылганын кылба погов. делай то, что говорит мулла, не делай того, что он делает; акырын баскан молдодон сактан, ала чапан кождон сактан погов. опасайся муллы, тихо ступающего (т. е. скромного на вид), опасайся ходжи в пестром халате; 3) ист. учитель старометодной школы; машинне молдо ист. шутил. Учитель джадидской (новометодной) школы (название связано с звуковым методом обучения в новометодной школе, который давал возможность обучить грамоте в несколько раз быстрее, чем в старометодной школе); 4) ист. (или укуз молдо) писарь-мусульманин у должностного лица (у волостного управителя, манапа и т. п.); 5) слово, присоединяемое до революции в качестве составной части к именам грамотных по-арабски мужчин (что указывает на крайне слабое распространение тогда грамотности среди киргизов): Тоголок Молдо, Молдо Нияз и др.; 6) перен. смиренный, покорный, кайдагы жиним кагылып, молдо болуп калгамын фольк. Прежняя спесь с меня сбита, и стал я смиренным; баш кетөртпөй жетимди, молдо кылып аламын фольк. (этого) сироту (богатыря Семетея) заставлю беспрекословно подчиниться, я его усмирю; эки молдо – бир киши, бир молдо – жарты киши погов. два муллы – один человек, один мул-

ла – полчеловека; ак молдо шутол. водка (букв. белый мулла); ак молдодон шимирди он потянул (выпил) водки; ак молдодон кылт эт- глотнуть водки.

В начале XX в. с открытием общеобразовательных школ данная лексема потеряла образовательную коннотацию и осталось религиозное значение. Лексема *дарс* также имел значение *урок*, однако в светском образовании данное слово уже не используется. *Алиппе* – кыргызский букварь, название которого было заимствовано от первых букв (Алиф жана Ба) арабского алфавита. Великий кыргызский просветитель И. Арабаев создал букварь для кыргызско-казахского языка в соавторстве с казахским студентом Хафисом Сарсекеевым в 1910–1911 гг. во время учебы в Уфе. Данный букварь был написан в арабской графике, однако в том алфавите не было кыргызских букв ө, ү, һ. И. Арабаев сам реформировал арабский алфавит под кыргызскую фонетику на основе русского букваря и создал второй букварь который был издан в Ташкенте. С того времени началась новая эпоха кыргызского образования. Само название Алиппе (ألفبا 'алиф и ба) выражает, насколько роль арабского языка и арабизмов неопределима для репрезентации концепта «Билим» (Знание). В начале XX в. неологизмы *мугалим* (учитель), *мектеп* (медресе) заменили слов *молдо* (учитель), *медресе* (школа) с религиозной коннотацией. Например, *Дүйшөн мугалим болуп жүрүп билимим аз деп өкүнөр эле* [9]. В данном микротексте автор рассказывает, как учитель Дүйшөн полон сожаления о том, что у него знаний не хватает. Пример отобран из произведения «Первый учитель» («Биринчи мугалим») великого кыргызского писателя Ч. Айтматова. Слово *мугалим* в те годы было неологизмом, значение которого не было понятным общей массе. В этом произведении изображаются первые годы общенародного светского образования; трудности ликвидации безграмотности в стране. Данные неологизмы постепенно потеряли свою новизну и стали частью литературной лексики кыргызского языка. Некоторые арабизмы используются в литературном кыргызском языке для выражения модальности: *албетте* (конечно, несомненно), *ыктымал* (может быть, возможно), *макул* (ладно).

Выводы

В процессе изучения арабских заимствованных лексем при репрезентации концепта «Билим» (Знание) в кыргызской языковой картине мира нами получены следующие результаты:

1) проведен литературный обзор литературы по исследованию когнитивной лингвистики, языковой картины мира, концепта «Билим»;

2) проанализированы исторические, лингвистические и религиозные основы заимствования арабских лексем в кыргызский язык;

3) установлено, что понятия кыргызского народа о знании восходят к древним временам; кыргызы говорили на древнекыргызском литературном языке, использовали древнекыргызскую руническую письменность в VII–XII вв.; древние знания кыргызов сохранились в в наскальных надписях; кыргызы также писали на согдийской, уйгурской и чагатайской графике;

4) выявлена хронология заимствования арабизмов в кыргызский язык; арабские лексемы были заимствованы в тюркские языки с принятием исламской религии; оседлая часть Кыргызстана приняла ислам в эпоху Караханидов, а кыргызы частично исламизировались к началу XI в.;

5) выявлены содержание и пропорция заимствованных арабизмов; религиозные термины составляют одну треть заимствований; остальная часть слов выражает абстрактные понятия, термины природных явлений, названия пищевых продуктов, оружия и др, также, есть слова которые используются в академическом дискурсе; одна четвертая часть арабских заимствований пережила семантическую модификацию;

6) показано, что арабизмы в основном заимствовались в устной речи, соответственно, они приняли фонетические законы кыргызского языка. Арабизмы, вербализующие концепт «Билим» (Знание), стали частью литературного пласта кыргызской лексики и внесли вклад в образование новой кыргызской научной картины мира в XX в. Звуковые особенности полностью приняли фонетические законы кыргызского языка;

7) установлена этимология арабизмов в кыргызской научной картине мира, отмечены контекстуальные, коннотативные значения арабизмов при репрезентации концепта «Билим» (Знание).

8) установлено что роль арабизмов неопределима для репрезентации концепта «Билим» (Знание). Концепт «Билим» (Знание) является важным звеном в когнитивно-языковом сознании кыргызского этноса.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З., Атакулова М.А., Калмурзаева А.А., Айылчиева Д.Т., Джусупова А.А. Инвариантность в прономинальной и провербальной парадигмах языка. Бишкек, 2017. 728 с.

2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт па-рагмимального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 173–189.
3. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 185 с.
4. Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение прономинальной парадигмы в языке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. № 1. С. 30–35.
5. Косякова Ю.Г. Языковая картина мира как базовый элемент коммуникативного компонента универсальной компетенции // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3. С. 124–129.
6. Черкачина Т.Т., Новикова Н.С. Языковая картина мира: доминанты ментальности // РУС (Сан-Пауло). 2016. № 7. URL: <https://www.revistas.usp.br/rus/article/view/121568> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Асланова И. Краткий обзор истории религии на территории Кыргызстана. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1834 (дата обращения: 04.04.2022).
8. Абдиев Т.К. К. Юдахиндин «кыргызча-орусча сөздүгүндөгү» арабизмдер. Бишкек, 2020. 180 с.
9. Айтматов Ч. Чыгармаларынын он томдук толук жыйнагы. Бишкек, 2018. 524 с.

УДК 811.512.122

ПРАВОПИСАНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Солтанбекова А.А., Утебаева Э.А., Рамазанов Т.Б.

Институт языкознания имени А. Байтурсынова, Алматы,

e-mail: madina-258@mail.ru, elmira_abdigali@mail.ru, take_kzz@mail.ru

В статье рассматриваются правописание и орфографические особенности служебных слов в казахском языке, омонимические ряды некоторых служебных слов, отличия от других частей речи, правильное написание (слитное, раздельное), употребление в языке и грамматические особенности. Основная функция служебного слова – связывать между собой слова, предложения, дополнять грамматическое значение слова, к которому оно примыкает, придавать дополнительный оттенок; их значение определяется только в сочетании с именными словами. По внешней форме они схожи с некоторыми окончаниями. При употреблении в языке, чтобы определить различие между служебным словом и окончанием, ставится вопрос. К слову, имеющему окончание падежа, можно задать вопрос. А к служебному слову задать вопрос невозможно. Вопрос задается только к слову, к которому оно относится. Были рассмотрены лексико-семантическая характеристика, грамматические особенности и правописание служебных слов *да (де, та, те), ма (ме, ба, бе, па, пе), мен (бен, пен)* в сравнении с окончаниями местного и творительного (инструментального) падежей, а также отрицательными суффиксами. Также в статье говорится о порядке слов, употребляемых в отрицательном значении, различиях, особенностях и написании частиц *ма ме ба бе па пе*, используемых в конце вопросительного предложения.

Ключевые слова: служебное слово, правописание, орфография, различие между служебным словом и окончанием, дополнительный оттенок, грамматическое значение, грамматическая форма

SPELLING AND GRAMMATICAL ADVANTAGES OF SERVICE WORDS IN THE KAZAKH LANGUAGE

Soltanbekova A.A., Utebaeva E.A., Ramazanov T.B.

A. Baytursynov Institute of Linguistics, Almaty,

e-mail: madina-258@mail.ru, elmira_abdigali@mail.ru, take_kzz@mail.ru

This article describes the spelling of word classes in the Kazakh language, orthographic features of some conjunctions – homonymic series, difference from other parts of speech, correct spelling (together, separately), grammatical features, use in language, meaning in combination with preceding words. The main function of the service word is to link words, sentences, complement the grammatical meaning of the word to which it adjoins, to give an additional shade; their meaning is determined only in combination with nominal words. When used in a language, in order to determine the difference between a service word and an ending, a question is raised. By the word that has the ending of the case, you can ask a question. And it is impossible to ask a question about the service word. The question is asked only to the word to which it refers. The lexical and semantic characteristics, grammatical features and spelling of the service words *da (de, ta, te), ma (me, ba, be, pa, pe), men (ben, pen)* were considered in comparison with the endings of the local and instrumental (instrumental) case, as well as negative suffixes. The article also talks about the order of words used in the negative meaning, differences, features and spelling of the particles *ma me ba be pa pe* used at the end of the interrogative sentence.

Keywords: word classes of conjunctions, spelling, orthography, the distinction between a function word and an ending, additional tone, grammatical meaning, grammatical function words

В казахском языке ряд слов, а также группу слов, являющихся частью речи, утративших свое лексическое значение, самостоятельно не способных выполнять функцию членов предложения, связывающих между собой слова, а также предложения, употребляемых в качестве грамматического средства, называют служебными словами. По внутреннему содержанию (значению), внешней (звуковой) форме, выполняемой в предложении функции они представляют собой отдельную категорию. Значение и грамматическая функция союзов определяются только в сочетании с именными словами [1, 119].

Нам известно, что служебные слова изначально были словами с полным

лексическим значением, но со временем они постепенно утратили свое первоначальное значение и образовали новую лексико-семантическую группу. Из Грамматики казахского языка, изданной в 1967 г., известно, что знаменательные слова с полным лексическим значением в дальнейшем стали выполнять связующую функцию между словами и придавать грамматическое значение: «Служебные слова произошли от знаменательных слов. Но происхождение служебных слов от знаменательных слов – это длительный процесс. Многие слова употребляются в качестве служебных слов только в определенных ситуациях и долго не теряют своего первоначального значения. Спустя длительное время из его грамматиче-

ской функции выделяется новое служебное слово в качестве омонима (например, бетіме қарай беру – глагол, үйге қарай жүру – служебное слово и т.д.). По этой причине слова, употребляемые между союзами и знаменательными словами значимы в нашем языке» [2, 220].

Материалы и методы исследования

Исходя из теоретических заключений о смысловых особенностях, правописании, орфографических особенностях служебных слов в казахском языке, функционально-семантической характеристике частиц, взятых из работ К. Мусаева [3], Ы. Маманова [4], Ы. Искакова [5], С. Исаева [6], Р. Амир [7], Ы. Шакамана [8], были использованы языковые материалы из 15-томного Словаря казахского литературного языка и произведений художественной литературы.

В статье используются методы описания, анализа, сравнения, обобщения, а также взяты за основу законы соотношения формы и содержания и принципы правописания.

В мировом языкознании формирование служебных слов в качестве самостоятельной категории происходило годами. Н.О. Григорьева [9, 21] классифицировала многофункциональность союзов в строении парцелляции в русском языке. А.Г. Немцов [10, 31] и Н.Я. Козловская [11, 31] опубликовали статью об истории отдельных служебных слов на английском языке. В трудах таких российских лингвистов, как Д.В. Сичинава [12], С.В. Краев [13], отмечено, что виды служебных слов под названиями союз, послеслог (иногда частица) даются как отдельные части речи и что служебные слова составляют ядро качественно-количественной функционально-семантической категории. В своей статье В.И. Бычков [14] рассматривает некоторые союзы чувашского языка в лингвокогнитивном аспекте. Некоторые ученые относят служебные слова к особой части речи. Они разъясняют, что, хотя служебные слова не имеют собственного лексического значения, из-за признаков, отличающих их от аффиксов, и условий группирования слов они должны быть отдельной частью речи. В коллективной монографии Е.А. Стародумова в соавторстве с другими российскими лингвистами рассматривает служебные слова в лексикографическом аспекте.

Результаты исследования и их обсуждение

В зависимости от сферы употребления служебные слова делятся на три вида: союзы, послеслоги и частицы.

Иногда возникают моменты, когда мы сталкиваемся с трудностями при написании служебных слов в предложении. В процессе написания возникает уместный вопрос, пишутся ли некоторые служебные слова слитно или раздельно. Это связано с тем, что существует ряд языковых форм, омонимичных им, вне зависимости от того, напоминает ли внешняя форма окончание, пишется слитно или раздельно.

Служебное слово не склоняется, не разбирается по частям предложения, не выполняет самостоятельную синтаксическую функцию, но, вступив в синтаксические отношения, связывает слова. Теперь рассмотрим ряд служебных слов, при написании которых возникают трудности и которые омонимичны другим частям речи и языковым формам.

Например, чтобы определить, пишутся ли служебные слова *да, де, та, те* слитно или раздельно, выполняем синтаксический разбор предложения. Если это служебные слова, то это нетрудно понять. Потому что служебные слова не отвечают ни на один вопрос. Если слово склоняется в местном падеже, то отвечает на конкретный вопрос, и не составит труда выяснить, служит ли оно дополнением или обстоятельством, отвечая на вопрос *кайда* (где) или *неде* (в чем, у чего, на чем), выражая объектное отношение. Например: *Мен де киноға барамын*. Попробуем разобрать по членам предложения. *Барамын* – сказуемое, *мен* – подлежащее, *киноға* – обстоятельство места. Очень часто в письменной речи встречаются случаи слитного написания «*менде киноға барамын*». Такое слитное написание, к сожалению, ведет к безграмотности. Так как *де* является союзом, он не способен отвечать на вопрос. В данной статье мы рассмотрим способы передачи союзов в орфографических словарях, правописание и смысловые особенности. Союз является связующим звеном между отдельными словами, предложениями (т.е. однородными членами, сочиненными предложениями). В отличие от других служебных слов главная особенность союза заключается в том, что он не присоединяется к слову, связывает между собой слова, однородные члены, не подвергается грамматическим модификациям. *Құт әкелуші. Қодар емес, құтпаным болсын, қайтпаспын да, тынбасын да, – деді* (М. Әуезов). *Жүгіріп самолетке де жеттік, кешкі тамаққа шақырған белгі де, берілді. Іңір де түсті, боран да лоқсып-лоқсып қалып, қиқулап жүре берді.* (Ғ. Мүсірепов). В первом предложении «*қайтпаспын да*»,

«тынбасын да» – это один из способов передачи повторения однородных сказуемых, обозначающих движение, во втором предложении «самолетке де жеттік», «белгі де берілді» – сочиненного предложения со значением одновременности. Мы наблюдаем последовательность действий, выполняемых одновременно.

При этом следует различать соединительный союз от усилительных частиц.

Частицы, напротив, не связывают слова и предложения, а придают дополнительный оттенок значения словам, к которым они относятся: усиления, сдерживания, удивления, насмешки, вопроса. *Жәрдемші, сүйеніш. Иә, осының бәрінде де сенің сүйенер қолдаушың шыдамдылық қана* (Б. Шаханов). *Желке тұсынан есіктің темір ілгегі сыртсырт ете қалды, жайшылықта сыртқы есік нағыз бажылдауық көкбеттің өзі еді, алты күн жауын оның да жынын басыпты; жүз көрпенің астында қалағандай үні құмығып естілді* (Ә. Тарази). К местоимению «бәрінде» прибавляется окончание местного падежа, и к нему примыкает усилительная частица «де», которая придает дополнительное значение слову, указывающему путь на то, как быть сильнее. Во втором предложении частица «да», примыкающая к местоимению «оның», сравнивает силу шестидневного дождя, явление природы, с неодушевленным предметом, усиливает значение словосочетания «жынын басыпты».

В предложении служебные слова *да, де, та, те* пишутся раздельно. По внешней форме схожи с окончанием местного падежа. Поскольку последнее является окончанием местного падежа, оно пишется слитно со словом, с которым связано, и его нельзя опустить в письменной или устной речи. А служебное слово пишется раздельно, и его можно опустить или заменить другим соединительным союзом. Например:

Өскен жер әлі ойымда, ұмытпадым, Ежелден аңсаушы едім, жуықтадым. Не следует употреблять предложение «*Өскен жер әлі ойым, ұмытпадым*», опустив в нем окончание местного падежа. В предложениях *Ақылды басқаратын таза ой да, сана да қажет. Ақылды басқаратын таза ой мен сана қажет. Ақылды басқаратын таза ой, сана қажет* можно опустить союзы или заменить их союзом *мен*. Это не влияет на лексическое или грамматическое значение предложения.

В казахском языке бывают случаи, когда два служебных слова употребляются рядом. В сочетании со словами *сондықтан, бірақ дегенмен, әлі, тағы, әйтсе, сөйтсе* служебные слова *да, де, та, те* пишутся раздельно. Например: *Әйтсе де, сіздің пікіріңіз ойланарлық екен. Тағы да байқап көреміз. Ігіліктің ерте-кеші жоқ, жоспарыңызды қалдырып кетіңіз* (Ғ. Мұстафин). *Сондықтан да оларда өз халықтары асқан асуларды суреттейтін шығармалар басым жатқаны байқалады* (С. Мәуленов).

Эти союзы характеризуются очень узкой сферой употребления связующей функции между словами. Однако основная функция заключается в связывании однородных членов, однородных знаменательных слов (глагол, существительное и т.д.), сочетающихся в единой форме. Например: *Сөйтсе тұрса да, қожайынның жүзіне ықтамай да именбей қарайды* (Ғ.Мүсірепов). *Айымыз да, күніміз де осы Жамал болған соң, өзімізді-өзіміз алдап жүрміз», – деді* (М.Дулатұлы). «Қазақтың» мақсаты, бағыты осы болғаннан кейін теңізде сапар шеккен кемешідей дария жүзін тұман басса *да*, кемеңді толқын соғып мың ұрса *да*, тәуекелге бел байлап, жарым жолдан қайтпай, я су түбіне кетуге, я көздеген кемеңге жетуге серт айтып шыққан еді (М. Дулатов, Шығ.).

Таблица 1

Различия между союзами и окончаниями

Употребление и правописание соединительных союзов да, де, та, те	Употребление и правописание окончаний местного падежа (-да, -де, -та, -те)	Употребление и правописание частиц (да, де, та, те)
Пишется раздельно от слова, стоящего перед ним, ставится знак препинания (запятая). Можно заменить их другим союзом или опустить их	Внешняя форма (да, де, та, те) пишется слитно со словом, к которому оно относится, а не раздельно, запятая не ставится, в письменной речи не следует опускать	Придает дополнительный оттенок слову, к которому примыкает, не связывает между собой слова, пишется раздельно, запятая не ставится
Например: <i>Мал қызығына батқан дүниеқор, сараң Қарабайда ар-ұят, әділет жоқ. Ол ерге де, елге де опасыз, тас бауыр, өзіміл</i> (М. Әуезов)	<i>Осы бір ойлар, тун сайын мені езеді, Бойымда қаным, тулаған таудың өзені</i> (М. Мақатаев)	<i>Ол Әсияны сыйласа да «осы кісі маған несіне сұрақтар беріп, еріксіз сөйлеткісі келеді» деп іштей дұрдараздау еді</i> (М. Әуезов). Придает оттенок безразличия, обиды

Например: служебные слова *және, мен, бен, пен* используются для связывания между собой слов, предложений, и знаки препинания не ставятся. Например, *Абай мен Мұхтар және Шәкәрім – қазақ әдебиетіндегі біртуар тұлғалар.*

Союзы *мен, бен, пен* по внешней форме схожи с окончаниями творительного (инструментального) падежа, однако они различаются по написанию. Окончания творительного (инструментального) падежа нельзя опускать. Например: В предложении *Жақсымен жолдас бол* не следует опускать окончание *мен* и употреблять в таком виде: *Жақсы жолдас бол.* А служебные слова можно опустить. Например: сочетание *жақсы мен жаман* можно заменить *жақсы, жаман* или *жақсы және жаман*. Связывая последующее слово со словом в творительном (инструментальном) падеже, окончание творительного (инструментального) падежа пишется с ним слитно.

Следующие служебные слова *мен, пен, бен,* выполняющие функцию союзов, используются очень часто. Они связывают в предложении между собой однородные члены, выраженные существительными, местоименными словами или субстантивированными прилагательными, причастиями. А также эти союзы соединяют основные компоненты сложных глаголов, образованных от именных слов и, будучи общим связующим средством для основного и вспомогательного глагола, ставятся после них.

Союз *мен* имеет еще одну уникальную функцию. Он связывает ряд однородных слов, связанных взаимным залогом. В этом случае никакие другие соединительные союзы не могут заменить союз *мен*. Напр.: *Желмаясы бар, желмая мінген. Желмаялы қарт пен жылан Көп кідірмей сөйлесті* (Ж. Сыздықов). *Ескі қазақ ауылдарының арасында болып тұратын шабыс, барымта алыс. Керей мен найманның осы жаздағы аттаныстарын, бір-бірінен барымта алысып, шабысып қалғанын айтысты* (М. Әуезов). В этих предложениях союз *мен*, связывающий между собой существительные, нельзя заменить другими союзами. Будет утеряно значение общности.

Служебные слова *мен, бен, пен* по внешней форме схожи с окончаниями творительного (инструментального) падежа, однако они различаются по написанию. Окончания творительного (инструментального) падежа нельзя опускать. Например: В предложении *Жақсымен жолдас бол* не следует опускать окончание *мен* и употреблять в таком виде: *Жақсы жолдас бол.* А служебные слова можно опустить. Например: сочетание *жақсы мен жаман* можно заменить *жақсы, жаман* или *жақсы және жаман*.

В отличие от союзов *мен, пен, бен* союз *және* употребляется редко. Он связывает все однородные члены, то есть соединяет однородные слова, отдельно отмечая и выделяя их. Этот союз соединяет слова, принадлежащие любым частям речи. Связывает сказуемые, выраженные глаголами движения. Также он соединяет определения, выраженные прилагательными. Знаки препинания не ставятся ни после, ни перед этим союзом. Например: *Сені ойда орыс, қырда қазақ түгел біледі және сыйлайды, ...биік және сом денелі Тасбай нығызсыған адам болғанмен, көргені, естігені Мәжіктен анағұрлым аз екені байқалады* (С. Мұқанов).

Союз *және* не употребляется с заглавной буквы в начале слова, иначе говоря, новое предложение не начинается с союза *және*. Потому что союз, являясь дифференцирующим связующим звеном, стоит между однородными членами, следовательно, он не пишется с заглавной буквы. Союзы, служащие связующим звеном между двумя-тремя словами, в том числе и союз *және*, не употребляются в начале предложения. Перед ними обязательно должно стоять слово. В казахском языке встречается форма *және де*, в предложении пишется отдельно, т.е. частица *де* стоит отдельно от союза *және*. Например: *Осындай қастарға сөзім өтімді болсын және де ептеп мал жиюға күшім жетімді болсын деп, қызметке, болыстық, билікке таластық* (Абай).

Из табл. 2 можно увидеть, как союз *алайда* приводится в орфографических словарях, изданных в период с 1960 по 2013 г. В 1960 и 1963 гг. написание союза *алай да* было отдельное. В словаре казахского литературного языка:

АЛАЙ служ. слово. разг. Сокращенная форма союза *алайда*. *Ердің құны мың қой-ды, Алай деп айта келсек те, Білімді жанның құны жоқ* (Кердері Әбубәкір, Қазағым). Поэтому в орфографическом словаре за 1963 г. оно было включено в первый реестр как «алай». В дальнейших изданиях словаря слово «алай» не было включено в реестр [3].

Среди союзов *секілді, сияқты, сықылды* последний отсутствует в поздних словарях, потому что *сықылды* и *секілді* являются различными фонетическими вариантами одного и того же слова. Л.З. Будагов утверждает, что слово образуется путем прибавления к корню *сықыл* суффикса -ды. Это также подтверждается следующими данными. «*Сықыл*(секіл), *шықіі*(шіікі) сходство, наружность, наружный признак, цвет, форма, вид» (РСл), «вид, лицо, изображение, фигура» (БСл.).

Таблица 2

Приведение в орфографических словарях с 1960 по 2013 гг.

1960	1963	1978	1988	2001	2007	2013
алай да	алай, алай да	алайда	алайда	алайда	алайда	алайда
сықылды	сықылды	сықылды секілді, сияқты	–	–	–	–

Слово *сиқыл*, о котором говорилось ранее, по звуковому составу больше похоже на дублетный компонент слова *сықыл (шакіі)*, пришедшее из арабского языка. Разумеется, в казахском языке лексема *сықыл* всегда используется с прибавленным суффиксом *-ды*. Поэтому в некоторых исследованиях его рассматривают как языковое явление, употребляемое только как отдельное модальное слово, абсолютно лишённое своего лексического значения (Грамматика казахского языка).

К числу служебных слов, дополняющих значение усиления, т.е. добавляющих значению предложения, отдельных слов и словосочетаний дополнительный оттенок усиления, относятся частицы *-ау, -ай, -ақ, да (де, та) те*, а частицы *-мыс (-міс)*, употребляемые в предложении для придания определённому слову значения сомнения, предположения, проявления недоверия, насмешки, иронии, пишутся через дефис после слова, к которому они относятся. Например: «*Басқа малдай емес, жануар, жылқы ауылды адамдай сезеді-ау! Әне, қарашы, қамшы салғызбай желіп кеткенін*», – деп, *жігіт ат мінезіне сүйсініп қояды* (Ә. Нұрпейісов). *Қоңыр қозым-ай, жаман тымағың жарбайып, мектеп пен үйдің арасында жүгіріп жүруші ең* (Ш. Құмарова). *Ол айтқанын орындады. Лебізіне бекем екен, «азамат», Сондайлардың кейде жолы болатыны газжап-ақ* (М. Шаханов). *Бұл сұмдығын қақпанышы бір шал көріп қалыпты-мыс деген өсекті де таратып жүрді* (А. Токмағамбетов). Усилительные частицы *-ау, -ай, -ақ* также пишутся через дефис после слова, к которому они относятся. А частицы *ай, ау* в составе междометий *ойпырмай, япырай, ойпырмау, япырмай, япырмау* пишутся не раздельно, а слитно. Например: – *Япырай, ол жер жолдан бұрыс еді зой, әдейі бір нәрсе іздеп бармаса, адам бармайтын жер еді зой, – деді* (С. Шарипов). *Ойпырмай, жан сәулем, Галия, қабағың, Күндей аппақ тамағың, Қарақаттай көзіңе Құмарлана қарадым* (С. Мұқанов).

Вопросительные частицы часто употребляются в предложении после сказуемого и пишутся раздельно. Это частицы *ма, ме, ба, бе, на, не*. А вот в употреблении вопросительных частиц после глагола встречаются грамматические ошибки. В казахском языке мы часто сталкиваемся с грубыми ошибками в написании формы глагола, используемого перед этими частицами. Структура формы с *-ған?*, *-а ма?*, *-ып па?* считается правильной. Например: *барған ба? айқан ба? бара ма? айта ма?*. А вот употребление формы с *-ады ма, -еді ме* считается ошибочным. Например: употребление *барады ма? айтады ма? келеді ме? береді ме?* считается грамматической ошибкой.

Если предложение не является вопросительным, т.е. если вопросительные частицы не употребляются в предложении, то прибавление к деепричастию суффиксов недавно прошедшего времени *ды, ді, ты, ті* считается правильным. Чаще всего они используются для третьего лица. Если к корню глагола без деепричастия прибавляются суффиксы *ды, ды, ты, ті*, то он считается суффиксом недавно прошедшего времени. Например: *Ол жұмысқа барды*. Если преобразовать в вопросительное предложение, то: *Ол жұмысқа барды ма?* В вопросительном предложении эта форма (*барды*) остаётся неизменяемой.

В вопросительном предложении после деепричастия суффиксы *-ды, -ді* не прибавляются. Например: *Ол киноға барады*. Преобразуем в вопросительное предложение: *Ол киноға бара ма?* То есть в вопросительном предложении суффиксы *ды, ды, ты, ті* не употребляются при употреблении вопросительных частиц после сказуемого в форме будущего времени глагола. Если разбирать слово по составу, то корень – *бар, -а* – суффикс деепричастия, – *ды* – личное окончание формы третьего лица. Приведем несколько примеров из произведений известных писателей-классиков: *Жеңеше, үйіңнен ашытқы табыла ма? Қамыр қойып деп едім* (Т. Ахтанов). *Бірақ қиялсыз, армансыз адам баласы өмір сүре*

ала ма? Біз де өмір сүре алмадық, осы бұлдыр қиялдарымызды орындауға кірістік (І. Есенберлин). Если преобразовать в повествовательное предложение: *ашықты табылады, өмір сүре алады*. Это правильно составленные конструкции. А в вопросительном предложении *-ды* опускается.

В казахском языке есть частица *ше*, придающая значение вопроса слову, к которому она относится. Следует помнить, что пишется *ше*, хотя произносится как *шы*, *шы*. Например: *Мына поезд олай қарай жүрсе, онда құба-құп. Ал егер олай қарай жүрмей, батысқа қарай жүрсе ше?* (Б. Соқпақбаев) (в произношении – *жүрсе ші*). *Ал, Доға ше? Доға шет жердің адамы, қаладағы жатақтың баласы* (Ж. Аймауытов) (в произношении – *Доға шы*).

Среди служебных слов можно встретить ряд слов, которые употребляются как в качестве наречий, так и в качестве падежных послеслогов. К ним относятся следующие слова: *бері, кейін, соң, бұрын*. Иногда трудно определить, имеем ли мы дело со служебным словом или с наречием. Отличить эти слова можно, только задавая к ним вопросы.

Например: послеслог *кейін* требует от предстоящего слова формы исходного падежа (*шығыс септік*). Эти послеслоги употребляются только в сочетании с существительными, местоимениями, причастиями для обозначения времени и места. В качестве служебного слова оно примыкает к слову, стоящему перед ним, придавая ему дополнительный оттенок. А наречие, являясь самостоятельным членом предложения, обозначает непосредственно время, период, срок совершения действия и отвечает на вопросы *қашан* (когда)? *қашаннан* (с какого времени)? Например: *Бірнеше күннен кейін бізді екі-екіден және звено болып сап түзеп ұшуға жаттықтыра бастады* (Т. Бигелдинов). *Рас, спектакльдің бастапқы қойылымдарындағы бұл жағдайларға кейін көңіл бөлініп, біраз жөнеледі* (Ф. Оразаев). В первом предложении послеслог *кейін*, примыкая к слову в исходном падеже, придает ему только дополнительный оттенок, еще больше усиливая значение слова *бірнеше күннен*. А во втором предложении к слову *кейін* можно задать вопрос. В предложении употребляется в качестве обстоятельства времени, отвечая на вопрос *қашан?* (когда?) (*қашан көңіл бөлініп ? – кейін көңіл бөлініп*).

Омонимический ряд слова *бұрын*. Например: *Осыдан он жыл бұрын* Алшынбай аулына Құнанбай кеп құда түсіп, Ділдені Абайға айттырған еді (М. Әуезов). *Өрмек тоқудан бұрын* жүнді қылшықтап, түтеді. Оны шүйкелеген соң ұршықпен иіріп, иірілген жіпті төгеді

(*домалақтайды*) (С. Мұқанов). В первом предложении слово *бұрын* в качестве наречия выполняет функцию обстоятельства времени, отвечая на вопрос *қашан?* (когда?). Во втором предложении, примыкая к слову в форме исходного падежа (*өрмек тоқудан*), оно придает дополнительный оттенок значению времени. *Қашан жүнді қылшықтап түтеді?* – Мы отвечаем следующим образом: *Өрмек тоқудан бұрын*.

Заклучение

Для того чтобы определить, пишутся ли служебные слова слитно или раздельно в омонимическом ряду, знать правописание, не путая их с другими языковыми формами, необходимо выполнить синтаксический анализ предложения, в котором они встречаются, и различать их только путем постановки вопросов. Не следует путать служебные слова *да де та те со* схожими по форме окончаниями местного падежа, вопросительные частицы *ма ме ба бе на не* с суффиксом отрицательной формы глагола, союзы *мен бен пен* с окончанием творительного (инструментального) падежа. Если мы имеем дело с окончаниями и суффиксами слов, к которым они относятся, то эти слова должны отвечать на вопросы *кімде* (*у кого*), *неде* (*на чем*), *қайда* (*где*), *қайткен* (*как поступил*), *не істеген* (*что делал*), *кіммен* (*с кем*), *немен* (*с чем*) и писаться слитно с этими словами.

Служебное слово всегда пишется раздельно, его можно опускать между словами или заменить другим служебным словом. А если допустить опускание окончания, то смысл предложения будет непонятен, построение предложения будет грамматически неправильным без использования языкового средства. Например: *Ол мектепте сабақ оқып отыр* (*Ол қайда сабақ оқып отыр? – мектепте*). В случае опускания окончания *-те*: *Ол мектеп сабақ оқып отыр*. Смысл предложения непонятен. *Бұл сайысқа мектеп те, колледж де қатысатын болды*. *Нелер қатысады?* (кто будет участвовать?) – можно сформулировать так: *мектеп, колледж қатысады*, опуская союзы *те* и *де*. Можно заменить союзом *және*: *Бұл сайысқа мектеп және колледж қатысатын болды*. Это не нарушает логическую связь, не допускает ошибку, не изменяет смысла предложения.

Статья написана в рамках исследовательского проекта OR 11465483 «Разработка серии обновленных нормативных словарей и академических изданий, обеспечивающих перевод государственного языка на национальный латиниграфический алфавит».

Список литературы

1. Исаков А. Современный казахский язык. Морфология. Алматы: Арыс, 1991. 334 с.
2. Грамматика казахского языка. I. Морфология. Алматы, 1967. 261 с.
3. Орфографический словарь казахского языка. 7 изд. Алматы, 1960–2013.
4. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Алматы: Наука, 1964. 505 бет.
5. Исаков А. Современный казахский язык. 2-е изд. Учебник для студентов филологических факультетов. Алматы, 1991. 384 с.
6. Исаев С. Проблемы казахского языкознания. Алматы: Абзал-Ай, 2014. 640 с.
7. Амир Р. Синтаксис простого предложения: учебник. КазНУ им. Аль-Фараби. 2-е изд. Алматы, 2003. 198 с.
8. Шакаман Ы. Функциональный характер частиц: учебное пособие. Павлодар: ПГУ им. С. Торайгырова, 2001. 92 с.
9. Григорьева Н.О. Полифункциональное служебное слово «хоть» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 33–35.
10. Немцов А.Г., Козловская Н.Я. Служебные слова (предлоги) в английском языке: сборник научных работ III Международной молодежной научной конференции / Отв. ред. А.В. Горбенко. Научное партнерство «Аргумент» (Липецк). Ставрополь, 2017. С. 223–225.
11. Сичинава Б.В. Служебные слова: монография. М., 2017. 45 с.
12. Краев С.В. Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 303 с.
13. Бычков В.И. Служебные слова как средство связности текста. Чебоксары, 2004. 19 с.
14. Стародумова Е.А. Служебные слова в лексикографическом аспекте. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. 377 с.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА РАССКАЗОВ К. ПАУСТОВСКОГО**Фен Цзин***Ошский государственный университет, Ош, e-mail: zamira_100177@mail.ru*

Данная статья посвящена творчеству замечательного русского писателя К.Г. Паустовского. Его рассказы пронизаны добротой, любовью к человеку и природе. Писатель показывает, что между людьми и окружающим нас миром существует неразрывная связь. Жестокость по отношению к животным или растениям может обернуться против нас самих. Глупое поведение мальчика Фильки, его неоправданно грубое отношение к коню-калеке, неуважительное отношение к хлебу – самой большой ценности на земле – ставит под угрозу благополучие целого села. Большое место занимает в творчестве писателя и тема искусства. В рассказе «Старый повар» на самом деле главными героями являются не старик и его дочь, а великий музыкант Моцарт и его волшебная музыка. Она не только чудесным образом скрашивает умирающему повару его последние минуты, но и приносит облегчение мукам совести. В произведениях Паустовского четко прослеживается мысль о том, что искусство должно служить людям. Великолепные полотна Левитана – певца русской природы – были написаны им в бедности и лишениях. Паустовский мастерски передает духовные страдания творческой личности и ее становление. Труд и талант неотделимы друг от друга. Возможно, художник не всегда получает в этой жизни счастье, но имеет возможность одарить этим счастьем других людей. И музыка, и слово, и картины – все это инструменты, при помощи которых истинные труженики – писатели, поэты, художники, музыканты – создают прекрасные вещи, несущие радость людям. Творчество Паустовского учит нас видеть красоту в обычном, ценить и любить ее, учит быть добрыми ко всему живому, призывает быть честными и трудолюбивыми.

Ключевые слова: гуманизм, природа, хлеб, музыка, грех, искусство, талант

THE MAGICAL POWER OF THE STORIES OF K. PAUSTOVSKY**Feng Jing***Osh State University, Osh, e-mail: zamira_100177@mail.ru*

This article is devoted to the work of the remarkable Russian writer K. G. Paustovsky. His stories are permeated with kindness, love for man and nature. The writer shows that there is an inseparable connection between people and the world around us. Cruelty towards animals or plants can turn against us. The stupid behavior of the boy Filka, his unjustifiably rude attitude towards a crippled horse, disrespectful attitude towards bread – the greatest value on earth – endangers the well-being of the whole village. The theme of art also occupies a large place in the writer's work. In the story "The Old Chef", in fact, the main characters are not the old man and his daughter, but the great musician Mozart and his magical music. She not only miraculously brightens up the last minutes of the dying cook, but also brings relief to the pangs of conscience. In the works of Paustovsky, the idea that art should serve people is clearly traced. The magnificent canvases of Levitan – the singer of Russian nature – were written by him in poverty and deprivation. Paustovsky masterfully conveys the spiritual suffering of a creative personality and its formation. Labor and talent are inseparable from each other. Perhaps the artist does not always receive happiness in this life, but he has the opportunity to bestow this happiness on other people. And music, and the word, and pictures – all these are the tools with which true workers – writers, poets, artists, musicians – create beautiful things that bring joy to people. Paustovsky's work teaches us to see beauty in the ordinary, to appreciate and love it; teaches to be kind to all living things; calls to be honest and hardworking.

Keywords: humanism, nature, bread, music, sin, art, talent

В этом году вся культурная общественность России и стран СНГ отметит 130-летие знаменитого русского писателя-прозаика, тонкого ценителя природы Константина Паустовского.

Писатель родился в далеком 1892 г. С самого детства интересовался литературой, а в юности понял, что его призвание – писать. Родные Константина, в частности старший брат, не верили в его литературное будущее и хотели, чтобы он выбрал иной путь, но будущий писатель был тверд в своем решении. Как покажет будущее, интуиция Паустовского не подвела. Его произведения стали известны всему миру и остаются читаемыми на сегодняшний день.

В своей статье мы хотели бы остановиться на рассказах Паустовского, которые

благодаря простым сюжетам, изяществу стиля и глубокому гуманизму остаются очень популярными не только среди детей, но и среди взрослых. Именно такие произведения способны повлиять на людей и сделать их добрее и лучше. Еще с середины прошлого века многие рассказы К. Паустовского вошли в школьную программу. Их изучают и в вузах на занятиях по русскому языку и литературе.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили рассказы Паустовского из сборников «Золотая роза» и «Далекие и близкие». Мы пользовались методами анализа литературного произведения, комментирования, привлечения внетекстовой информации.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из самых поучительных нам представляется рассказ «Теплый хлеб». В нем речь идет о человеческой жестокости, которая грозит гибелью целому селу.

Маленький мальчик жестоко обижает коня-калеку, бросая хлеб в сугроб. Из-за этого на деревню обрушивается страшный мороз: замерзла река, колодцы, мельница стоит, невозможно молотить зерно, все сковало льдом и холодом. Бабушка рассказывает мальчику, что такое уже было сто лет назад, когда богач обидел солдата, бросив ему на землю корочку заплесневелого хлеба. Сама природа не может выдержать такой бесчеловечности и наказывает жителей деревни лютым холодом. Мальчик понимает свою ошибку и пытается исправить ее.

Только общими силами жителям деревни удастся победить холод и заставить работать мельницу. После полудня дует теплый ветер, который помогает людям: голод им больше не грозит. Мальчик идет и просит прощения у коня, угощая его теплым хлебом.

В рассказе четко проводится мысль о том, что люди и окружающий мир связаны между собой на разных уровнях: и ментальном, и физическом. Жестокость людей по отношению к животным, окружающей среде влечет за собой ответную жестокость природы к людям. Рассказ-сказка Паустовского учит детей доброте, любви к животным, умению понимать и принимать свои ошибки.

Мы видим, что даже война не смогла ожесточить людей: старый мельник взял к себе пострадавшего от взрыва коня, вылечил и кормил его. Ему помогали все жители деревни. Только глупый мальчик Филька по прозвищу «Ну тебя» ударил коня по губам и выбросил хлеб в снег. Само прозвище мальчика говорит о его дурном характере: глупости, лени, вздорности. Все сельские жители знают, как тяжело растить хлеб, как дорого он достается крестьянам. В народе существует много пословиц и поговорок, которые учат тому, что хлеб – это святое.

Хлеб – всему голова.

Без хлеба куска везде тоска

Без хлеба сыт не будешь

Будет день – будет и хлеб

Была бы мука да сито, и сама я была бы сыта

Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной

Если хлеба ни куска, то и в тереме тоска

Калач приестся, а хлеб никогда.

Бросить хлеб на землю всегда считалось грехом у всех народов. В войну из-за нехватки хлеба умерло большое количество людей. Рассказ был написан Паустовским сразу после войны, поэтому тема голода была достаточно актуальна в то время.

Сегодня, когда наши дети не знают голода, им особенно важно читать подобные произведения, чтобы понимать цену хлеба и человеческого труда. Рассказ называется «Теплый хлеб» не только из-за того, что Филька угощает коня теплым хлебом, чтобы помириться с ним, но, по нашему мнению, хлеб теплый не только от того, что он недавно испечен, а от того, что мальчик осознал свои ошибки и потеплел сердцем. Он увидел, к чему приводит жестокость и глупость, понял, что по его вине могут пострадать другие люди. Хочется надеяться, что в будущем он не повторит своих ошибок и станет хорошим отзывчивым человеком. В рассказе противопоставляется борьба добра и зла: человечность и равнодушие, забота о других и эгоизм, тепло и холод человеческой души. По нашему мнению, чтение этого произведения не оставит равнодушными читателей, которые смогут сделать свой выбор между добротой и жестокостью.

Также одним из самых интересных и поучительных нам представляется рассказ «Старый повар». В нем говорится о моральных проблемах человека и о силе таланта, которая может преобразить серую действительность.

В рассказе речь идет о старом человеке Иоганне Мейере, который всю свою жизнь проработал поваром у одной графини, пока не ослеп от жара печей. В дни, когда болела жена Мейера, Марта, он был вынужден украсть маленькое золотое блюдо и продать его, чтобы купить лекарство. Этот проступок всю оставшуюся жизнь мучал старого повара, и перед смертью он решил исповедоваться. Он просит свою дочь Марию привести к нему первого попавшегося человека с улицы, так как не доверяет и не любит священников. Мария приводит еще молодого мужчину, которому старик рассказывает о своем грехе. Прохожий отпускает ему грех и просит назвать последнее желание. Повар, понимая, что это невозможно, все же высказывает желание увидеть умершую жену молодой и красивой, как много лет тому назад.

Незнакомец садится за клавесин и играет для старика и его дочери. Силой музыки он преображает холодный зимний вечер, и больному кажется, что он вернулся в прошлое и увидел свою Марту молодой и прекрасной, как в далеком прошлом.

Музыканту удалось совершить настоящее чудо для пожилого человека и осчастливить его перед смертью. Этим незнакомцем с улицы оказался великий Вольфганг Амадей Моцарт.

Сила искусства признавалась во все времена. Музыка успокаивала детей, больных; лечили психические заболевания; улучшали настроение людей и даже животных. Все мы любим слушать любимые мелодии, песни, которые помогают забыть о неприятностях. В рассказе же К. Паустовского музыка предстает перед нами великой силой, которая может снять грех с души человека. Незнакомец прощает грех старика «властью, данной ему от искусства, а не от бога» [1, с. 202].

Паустовский написал свое произведение в 1940 г., на фоне сталинских репрессий. Надо было иметь большую смелость и решительность изобразить отпущение греха молодым музыкантом, в то время когда в стране царили доносы и расстрелы. Писатель же прикрыл все это историческим флером и сумел создать впечатляющую по своему содержанию и идее новеллу.

Старик-повар проработал на графиню всю жизнь, но в конце своего пути остался таким же бедным, как и в дни молодости. Его единственный грех, воровство, гнетет его всю жизнь. Он не боится божьего наказания, потому что является атеистом, но хочет облегчить свою совесть перед смертью. Паустовский заостряет внимание читателя на том, что чистая совесть и честь – это то, что человеку необходимо сохранить на всю жизнь. Уже само глубокое раскаяние умирающего говорит о том, что он очень порядочный человек, который всего себя отдал честному труду. Единственное пятно на совести мучает его так сильно, что, даже не веря в бога, он хочет исповедью снять этот грех с души. И знаменитый композитор, будучи далек от церкви, берет на себя смелость отпустить старику его грех, который он давно загладил своей благочестивой жизнью.

В данном рассказе писатель столкнулся с двумя великими добродетелями, труд и талант, которые не могут существовать друг без друга. Старик-повар трудился всю жизнь, он посвятил себя искусству кулинарии (в древнем Риме, в Греции кулинария действительно признавалась одним из самых тонких искусств). Его искусство не принесло ему славы, богатства или признания, но умирающий был доволен своей жизнью и гордился ею. Моцарт посвятил себя музыке, и она принесла ему признание и славу. Он тоже работал всю свою жизнь и тоже не был богат, но его труд и его та-

лант дали ему возможность осчастливить старого человека и подарить возможность ненадолго вернуться в прошлое. Именно гений Моцарта позволил не только слышать его замечательную музыку, но волшебным образом позволил увидеть именно то, о чем думал умирающий [1, с. 165].

Паустовский воспевает силу искусства, силу человеческого таланта. В его замечательных рассказах мы встречаемся не только с Моцартом, но и с Эдвардом Григом, Христианом Андерсеном, Исааком Левитаном, Антоном Чеховым и многими другими талантливыми и интересными людьми.

Исаак Левитан знаком нам по его картинам «Осенний день в Сокольниках», «Пасмурный осенний день», «Март» и многим другим. Паустовский любил спокойную живопись этого замечательного художника и восхищался его жизнью и творчеством.

Бедному еврейскому мальчику было очень тяжело выживать в холодном Петербурге. Единственной поддержкой ему служил художник Саврасов, который первым разглядел талант юноши. Неоднократно Левитана изгоняли из города как еврея согласно царскому указу, но он возвращался и вновь работал над своими картинами. Саврасов, выпивший и злой, учил молодого художника находить красоту в обычном.

«Работает же во Франции, – сказал он, перепнувшись, – замечательный мастер Коро. Смог же он найти прелесть в туманах и серых небесах, в пустынных водах. И какую прелесть! А мы... Слепые мы, что ли, глаз у нас не радуется свету. Филины мы, филины ночные, – сказал он со злобой и встал. – Куриная слепота, чепуха и срам!» [2].

Саврасов вспоминает, что в молодости писал только красивые дворцы и сады. Выходцев из бедных семей их блеск просто завораживал. Позднее же он понял, что истинная красота в обычном, которое надо заметить и полюбить: мокрые поля, леса, низкое небо, избы. Своими наблюдениями старый художник делится с юным Левитаном, в котором видит будущего мастера.

Таланту всегда тяжело пробиться, а талантливому еврею – тяжелее во много раз. Паустовский с участием описывает злоключения Левитана, который часто оставался без крова, голодный, презираемый всеми. Молодой художник мечтал о том, что, как и все, он когда-нибудь будет сидеть на балконе в хорошей одежде, сытый, окруженный красивыми женщинами и умными друзьями; будет слушать прекрасную музыку и пение; любоваться замечательными творениями именитых художников и скульпторов. Но нищета не позволяла ему ничего этого, и Левитану оставалось толь-

ко работать: работать яростно, тщательно, почти без сна и отдыха.

Паустовский называет художника «мастером печального пейзажа» [3, с. 38]. Действительно, работы Левитана проникнуты грустью, светлой печалью. На его полотнах почти нет людей. Единственное исключение – «Осенний день в Сокольниках», где на первом плане мы видим молодую женщину, погруженную в свои думы. Она тоже печальна, как и окружающий ее пейзаж умирающей природы. Нарисовал ее не сам Левитан, а Николай Чехов, считавший что природа без человека недостаточно выразительна.

Но Левитану природа заменяла все: и людей, и счастливую жизнь, которой он был лишен большую часть своей недолгой жизни. Коллеги по цеху вспоминали, что когда они вместе шли на поиски тем для своих работ, то Левитану было достаточно вида небольшой, ничем не примечательной лужицы, чтобы написать превосходный пейзаж.

Умение видеть красоту в обыденном – величайший дар для художника. Знаменитый Леонардо да Винчи как-то написал, что истинный художник пишет то, что хочет. Мы бы хотели добавить, что художник пишет то, что хочет, и то, что он может разглядеть в окружающей его обычной жизни.

Особой примечательностью полотен Левитана является его умение писать свет и воздух. В картине «Март» мы чувствуем, что идет весна, что воздух еще холодный и свежий, что снег уже стал рыхлым и под ним вода. Яркого солнца нет, но уже чувствуется, что земля не такая промерзлая, что все вокруг оживает и радуется окончанию суровой зимы.

На картине нет ничего особенного: просто снег, старый дом, лошадь, запряженная в сани, голые деревья... Но художнику удалось передать какую-то затаенную радость оживающей природы, предчувствие скорых перемен и наступление тепла. Это и есть талант: умение показать то, что чувствует сам художник: свою радость, свою печаль и любовь к родине.

Паустовский сравнивает картины Левитана с рассказами Чехова: «Но как передать ту "весну света", тот живой трепет пробуждающейся природы, то предчувствие перемен, каким полна эта картина? Чтобы рассказать всё это, нужны не слова, а краски. Этим-то орудием владел Левитан, как Чайковский – звуками, как Чехов – словом» [2].

Русская природа, по общему убеждению, бедна красками. Это не яркая Италия с ее белоснежными каменными зданиями в окружении зеленых садов и ярких цветни-

ков; не солнечная Франция с ее виноградниками и живописными реками. Для Левитана его родина – бедная и страдающая, как и он сам. Он пишет скошенные луга, стога сена, косые дожди, русские избы. Многие критики осуждали его, что на его полотнах нет изображений красивых женщин, живописных пастухов и пастушков, животных, стад гусей и т.п. Им не хватало таланта и зоркости увидеть, что у художника живет сама природа: она тоже печалится, радуется, плачет и умирает. Листья на деревьях шепчутся, солнце золотит каждый куст, каждую травинку, дожди омывают землю, очищают ее и дают ей жизнь.

Чехов даже придумал новое слово – *левитанистый*. Оно означало умение передать особое обаяние русской природы, которое отличало полотна Левитана. Паустовский пишет, что некоторые картины художника Чехов обозначал, как более левитанистые, то есть они с наибольшей силой изображали красоту русского пейзажа Средней России [4, с. 32].

Героем полотен художника могли стать совершенно неожиданные вещи: в картине «Владимирка» изображена дорога, по которой люди уходили на каторгу. Уходили, чтобы больше никогда не вернуться. Дорога истоптана тысячами ног, вокруг одни поля и только вдали роща, в которой гуляет ветер. Мы не видим людей, которые уходили по этой дороге, но чувствуем их горечь и отчаяние от прощания с родными, от ужаса перед безотрадным будущим; слышим бряцание кандалов на их ногах, представляем себе их худые изможденные лица, слезы в глазах: сначала горящих, а после – потухших.

Эта страшная дорога, бесконечный простор вокруг вызывают чувства безнадежности и глубокой печали. Кажется, что каждый метр этого бесконечного пути полит слезами бредущих по нему людей.

Лучше всего Левитану удавались осенние пейзажи. Красота осеннего леса, тепло последних солнечных лучей, уже холодная вода в реке навевают нам стихи Пушкина об осени: «Унылая пора, очей очарованье!».

Паустовский искренне сопереживает художнику, который испытал так много тягот в жизни: потерю родителей, нищету, бездомность, болезнь, раннюю смерть. Талант Левитана тоже долгое время ставился под сомнение. Только учитель мастера, Саврасов, всегда верил в его большое будущее, называя его русским Коро [5, с. 36]. Братья Чеховы тоже стремились всегда оказать поддержку молодому художнику, помогали ему поверить в себя. Благодаря их усилиям мы сегодня имеем возможность наслаждаться великолепными полотнами Левитана.

Заключение

А. Энгр, французский художник, писал: «Искусство только тогда достигает высшей степени совершенства, когда оно до такой степени похоже на природу, что его можно принять за самую природу» [6, с. 17]. Творчество Левитана, певца русской природы, действительно достигло высшей степени совершенства. А Паустовскому мастерски удалось показать нам образ величайшего художника-пейзажиста своего времени.

Для Паустовского, который и сам высоко ценил талант, все же, по нашему мнению, на первом месте стоял труд. Все известные личности, о которых он пишет, были людьми труда: это и Моцарт, и Левитан, и Григ, и Андерсен, и Бунин и многие другие.

Он понимает, что искусство призвано делать людей лучше, чище, добрее и великодушнее. Может, художник не всегда получает в этой жизни счастье, но имеет возможность одарить этим счастьем других людей. И музыка, и слово, и картины – все это инструменты, при помощи которых истинные труженики – писатели, поэты, художники, музыканты – создают прекрасные вещи, несущие радость людям [7, с. 34].

Паустовский воспеваеет людей труда, потому что музыка, поэзия, картины – это тоже труд, и один из самых нелегких. В рассказах прослеживается мысль о том, что талант и труд неотделимы друг от друга; только в совокупности они смогут преобразовать мир в лучшую сторону.

Паустовским создано немало произведений, каждое из которых по-своему интересно и поучительно. Они переносят нас в прекрасный мир замечательных людей, мир человечности и гуманизма. Писатель и сам, как Моцарт, как Левитан, помогает нам увидеть самые лучшие человеческие качества, жизнь людей разных эпох, прекрасный мир музыки и волшебства, мир русской природы. Чтение произведений Константина Георгиевича Паустовского доставит немало радостных минут молодым читателям и научит их отличать хорошее от плохого, правду от лжи; научит ценить все прекрасное, что создано природой и человеком.

Список литературы

1. Паустовский К. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Художественная литература, 1977. 311 с.
2. Паустовский К.Г. Близкие и далекие. Серия: жизнь замечательных людей. URL: <https://biography.wikireading.ru> (дата обращения: 25.02.2022).
3. Белый пудель. Рассказы русских писателей. М.: Большая детская библиотека, 2021. С. 280.
4. Паустовский К. Тёплый хлеб: сборник. М.: Художник, 2018. 288 с.
5. Первушина Е.А., Янь Ян. Эстетическая проблематика повести К.Г. Паустовского «Золотая роза» в восприятии современных китайских исследователей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. Ч. 1. С. 35–38.
6. Ачкасова Л.С. Раннее творчество К.Г. Паустовского (1916–1932). Казань: Казанский государственный университет, 2017. 56 с.
7. Янь Ян. Образ автора в «Золотой розе» К.Г. Паустовского: проекция русской исследовательской рецепции в Китае // Филологические науки. 2018. № 10. Ч. 1. С. 33–36.